

История Калмыкии

Тепкеев В. Т.

Русско-калмыцкие отношения во второй трети XVII века

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
«Калмыцкий научный центр Российской академии наук»

**ИСТОРИЯ КАЛМЫКИИ:
РУССКО-КАЛМЫЦКИЕ ОТНОШЕНИЯ
ВО ВТОРОЙ ТРЕТИ XVII ВЕКА**

Учебное пособие

Элиста 2022

ББК 63.3(2)46

И 90

Рецензенты:

Команджаев А. Н., доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории России, документоведения и архивоведения ФГБОУ ВО «Калмыцкий государственный университет им. Б. Б. Городовикова»;

Мучаева И. И., кандидат исторических наук, директор БУ РК «Национальный музей Республики Калмыкия им. Н. Н. Пальмова»

*Печатается по решению редакционно-издательского совета
ФГБУН «Калмыцкий научный центр Российской академии наук»*

Составитель: В. Т. Тепкеев

И 90 **История Калмыкии: русско-калмыцкие отношения во второй трети XVII века** [Текст]: учебное пособие / сост. В. Т. Тепкеев. – Элиста: Изд-во КалмНЦ РАН, 2022. – 72 с.

Учебное пособие включает в себя материалы лекций по обозначенной теме и может быть использовано при изучении курсов «История России», «История Калмыкии» для самостоятельной работы студентов и аспирантов, для лекционных курсов и пособий по истории Востока (Новое время) и истории номадов в высших учебных заведениях.

Адресовано студентам, преподавателям вуза, учителям и всем интересующимся историей родного края.

© ФГБУН «Калмыцкий научный центр
Российской академии наук», 2022

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	5
1. Предпосылки вхождения калмыцкого народа в состав Российского государства	7
2. Укрепление русско-калмыцких отношений. Вступление калмыков в Русско-польскую войну 1654–1667 гг.	12
3. Русско-калмыцкие отношения в 1662–1672 гг. Политический кризис на юге России	45
Источники и литература	68

Предисловие

Исторический анализ устройства Российского государства, особенно включения народов в его состав, причин устойчивости его конструкции позволяет выработать стратегические задачи в области национальной политики. Но для этого необходимо взвешенное и объективное рассмотрение исторического прошлого, без политической ангажированности и оценочного суждения. Также важно, чтобы формирование национального самосознания шло на основе беспристрастного и аргументированного знания. Начальный процесс политической интеграции калмыцкого народа в состав российского государства был весьма длительным и сложным.

Учебное пособие «История Калмыкии: русско-калмыцкие отношения во второй трети XVII века» имеет своей целью дать соответствующие современному уровню развития исторической науки знания в области истории ойратов, а именно – осветить все этапы политической интеграции калмыков в Российское государство и решение территориальной проблемы в XVII в.; дать анализ проблемы соблюдения договоренностей калмыцкой знати и Российского государства в XVII в.; сформировать у студентов навыки критики исторических источников и их применения в профессиональной деятельности. В рамках каждого раздела определены свои исторические рубежи, которые учитывают этапы в истории русско-калмыцких отношений середины XVII в. Нужно отметить, что учебное пособие «История Калмыкии: русско-калмыцкие отношения во второй трети XVII века» – это первое пособие подобного характера, которое дает краткий экскурс в изучение целого ряда вопросов по истории Калмыкии.

Данное пособие может использоваться как материал к лекционному курсу и практическим занятиям, а также для самостоятельного изучения дисциплины. Множественность тем позволяет составлять на основе данного учебного пособия авторские и специальные кур-

сы. Структура пособия включает в себя следующие разделы: предисловие, предпосылки вхождения калмыцкого народа в состав Российского государства, укрепление русско-калмыцких отношений, вступление калмыков в Русско-польскую войну 1654–1667 гг., русско-калмыцкие отношения в 1662–1672 гг., список использованных источников и литературы.

1. Предпосылки вхождения калмыцкого народа в состав Российского государства

В течение многих столетий степи Северного Прикаспия являлись частью огромной арены борьбы кочевых народов, завоевывавших или отстаивавших свое жизненное пространство. На рубеже XVI–XVII вв. началось новое перемещение кочевников, главными участниками которого выступали уже ойраты (калмыки). Монголо-ойратские войны второй половины XVI – начала XVII вв. стали главной причиной исхода большей части ойратов с территории Восточного Алтая и Джунгарии в степи Юго-Западной Сибири. Столкнувшись на сибирском направлении с вооруженными силами Московского государства и находясь в условиях затяжного внутреннего противостояния, часть ойратов не смогла здесь обеспечить себя безопасными кочевьями. Более успешными оказались их действия при продвижении в юго-западном направлении — в степи Эмбо-Яицкого и Волжского бассейнов. На этих путях они одержали верх над ногаями, оттеснили их за Волгу, частично подчинили своей власти и вошли в соприкосновение с торговым и опорным пунктом России в Северном Прикаспии — Астраханью. Стремление калмыков закрепиться в этом регионе становится все более настойчивым, поскольку здешние степи представлялись им весьма удобным местом для кочевков. Попытки московского правительства противостоять продвижению калмыков на запад и удержать ногаев на левобережье Волги успеха не имели. Однако и калмыки, не имея официального разрешения от русских властей, около четверти века не могли здесь считать себя полноправными хозяевами.

Переломным для истории ойратов стал XVII в. Анализ выявленных архивных материалов позволяет сделать вывод, что в результате миграции к середине этого столетия ойраты занимали огромную тер-

риторию — от Волжско-Донского междуречья до Северного Тибета. В результате такого расселения образовались 4 основные группировки ойратских улусов: *волжская* в Северном Прикаспии, *сибирская* — в Юго-Западной Сибири, *джунгарская* — в Центральной Азии и *кукунорская* в Тибете. Численность и состав каждой из этих группировок менялись в зависимости от военно-политической ситуации. Если проследить хронологию данного исторического процесса, то в результате откочевки из Джунгарии к началу XVII в. в Юго-Западной Сибири сформировался самый крупный союз ойратских улусов, включавший в себя преимущественно дербетов, торгутов и хошутов. Постепенно от них отделилась часть торгутов (1630 г.) и дербетов (1642 г.), образовав волжскую группировку, а также часть хошутов и торгутов (1636–1642 гг.), которые в Тибете основали кукунорскую группировку. Значительное сокращение численности северных ойратов (чакарских калмыков) привело к окончательному их падению в борьбе с джунгарами. Небольшая часть дербетов и хошутов мигрировала к торгутам в степи Северного Прикаспия, где приняла участие в формировании уже Калмыцкого ханства, но большинство было присоединено джунгарами в состав своего формировавшегося ханства.

Появление калмыков в Северном Прикаспии в первой половине XVII в. явилось следствием как сложных социально-экономических и политических процессов, происходивших внутри ойратского общества, так и тяжелой международной ситуации в Центральной Азии. Вместе с тем русские источники свидетельствуют, что первое появление калмыков в этом регионе можно рассматривать и как борьбу калмыцких тайшей с Московским государством за влияние на тюркские народы в Восточной Европе. Однако попытки калмыцких тайшей в течение 20–30-х гг. XVII в. объединить под своим началом все ногайские племена к успеху не привели.

Перемещение торгутских улусов в Волго-Яицкое междуречье активизировало русско-калмыцкие отношения и одновременно обострило территориальный вопрос. Но камнем преткновения стал так называемый «ногайский» вопрос, спровоцированный своевољством отдельных молодых калмыцких тайшей, пытавшихся самоутвердить-

ся. Именно в 1643 г. часть ногайских улусов впервые добровольно вливается в состав Калмыцкой орды, в то время как в 1630-е гг. такое присоединение в основном носило насильственный характер. «Ногайский» вопрос не только создал конфликтную ситуацию внутри калмыцкого общества, но и серьезно осложнял русско-калмыцкие отношения.

Необходимость продажи скота и лошадей и приобретения товаров подталкивала калмыцких тайшей к установлению прочных торговых связей с российскими городами. Но когда царское правительство по разным причинам отказывало калмыкам в такой возможности, они начинали оказывать силовое давление. Подобные действия, однако, не способствовали развитию добрососедских отношений. Попытка силового решения сложившейся ситуации привела к разгрому калмыков на Северном Кавказе и ответным военным ударам русских войск на Волге в 1644 г., что резко ухудшило и без того непростые русско-калмыцкие отношения и в целом положение калмыцких улусов в Северном Прикаспии.

Однако стремление торгутских тайшей к политической самостоятельности удерживало их от ухода из этого региона. Большое значение имело и выгодное геополитическое расположение кочевий — здесь проходили торговые пути, связывавшие южные государства с Россией и Европой. Уход отсюда привел бы к потере торгутами не только политической независимости, но и благоприятных условий для хозяйственной деятельности. Дайчин и другие старшие тайши стремились к скорейшему установлению стабильных отношений с соседями и, в первую очередь, с Московским государством.

К середине XVII в. территориальный вопрос все чаще стал подниматься калмыцкой стороной в переговорах с представителями русских властей. Стесненность торгутских кочевий еще более усугубил приход в 1649 г. хошутских и дербетских улусов. Теснимые джунгарами, хошутские улусы Кунделена-Убаши продвинулись на запад, в район реки Эмбы. Появление здесь новых крупных ойратских улусов заставило торгутских тайшей отойти в западном направлении, т. е. в сторону Волги. Здесь обращает на себя внимание тот факт, что торгутские и хошутские тайши пытались решить территориальный во-

прос не вооруженным путем, а посредством переговоров, что в целом отвечало духу законов, принятых в 1640 г.

Дальнейшее перемещение торгутских улусов в западном направлении встречала на первых порах неодобрительное отношение со стороны царского правительства. Из Москвы неоднократно поступали в Астрахань указы, запрещающие калмыкам кочевать в Волго-Яицком междуречье, а ходатайства тайшей о разрешении кочевать по Волге неизменно отклоняются царскими властями. Конечно, тайши не всегда считались с этим запретом и с улусами переходили установленные для них рубежи, зачастую приближаясь к самой Астрахани и другим поволжским городам. Но правительство твердо стояло на своем, указывая калмыкам отойти на дальние кочевья.

Самостоятельный выход калмыков на Волгу и Дон в то время не отвечал интересам царского правительства, но, с другой стороны, это давало возможность использовать калмыцкую конницу для охраны слабо укрепленных южных и юго-восточных границ России. Географическая близость, взаимовыгодная торговля и общность интересов в борьбе против кубанских ногаев и крымских татар определяли необходимость установления широких контактов между калмыками и донскими казаками. Царское правительство, понимая, что в лице калмыков может получить внушительную военную силу в борьбе против Крымского ханства, в дальнейшем всячески поощряло данный процесс, хотя и стремилось взять его под свой контроль. При этом стоит отметить, что заключение калмыцко-донского военного союза в 1648 г. состоялось раньше, чем окончательно было достигнуто русско-калмыцкое соглашение, принятое во второй половине 1650-х гг., и послужило своего рода толчком к дальнейшей интеграции кочевого народа в политическую орбиту России. Со стороны калмыков также преследовались определенные цели, заключавшиеся в расширении территории их кочевий в Нижнем Поволжье, а значит – возможности совершать военные походы с целью захвата ногайских улусов и трофеев на территории Северного Кавказа и Причерноморья.

Русско-калмыцкие переговоры 1640–1650-х гг. выявили всю палитру политических взглядов, дипломатических традиций, мировоззрений, культуры и т. д. Правительство убедилось в своеобразном

понимании тайшами шерти – они рассматривали эту присягу как союзный договор, а не как признание подданства с вытекающими из этого обязательствами. Поэтому оно избрало более жесткий курс по отношению к калмыкам: ограничение торговли в русских городах и организацию военных экспедиций в ответ на калмыцкие набеги. Но ультиматумы и угрозы, сыпавшиеся с обеих сторон, не способствовали укреплению отношений.

2. Укрепление русско-калмыцких отношений. Вступление калмыков в Русско-польскую войну 1654–1667 гг.

К 1653 г. в России улучшилась экономическая ситуация, поутихли сотрясавшие страну волнения и мятежи, обновленный при молодым и энергичном царе Алексее Михайловиче состав правительства усиленно занимался подготовкой к войне с Речью Посполитой и формированием новых армий. 1 октября 1653 г. Земский собор принял решение о принятии Войска Запорожского (Гетманщины) в российское подданство. А 23 октября государь Алексей Михайлович объявил в Успенском соборе о начале войны с Речью Посполитой. Наступление трех основных русских армий в Литве должны были поддержать Б. Хмельницкий и воевода А. В. Бутурлин с полком (4000 чел.), сковав на Украине польские войска. С юга, со стороны Крымского ханства, прикрывал воевода В. Б. Шереметьев с Белгородским полком (свыше 7000 чел.). Как видим, в предстоящей войне южное направление оставалось недостаточно защищенным участком в случае крымского вторжения, как это произошло во время предыдущей Смоленской войны.

В связи с этим на повестке дня в царском правительстве встал настоятельно вопрос об окончательном урегулировании русско-калмыцких отношений. С весны 1654 г. в дипломатических кругах России активно стала обсуждаться возможность использования калмыков в борьбе против Крымского ханства. Поводом для этого послужили события на Украине. 8 января 1654 г. решение о воссоединении Украины с Россией было единогласно принято участниками Переяславской рады. Именно тогда в доверительной беседе московского боярина В. В. Бутурлина с войсковым писарем И. Выговским была

озвучена идея привлечения калмыков против Крыма. В письме от 21 марта 1654 г. Б. М. Хмельницкий сообщал боярину В. Б. Шереметьеву, что «калмыки с донскими казаками живут советно» и только ожидают царского указа, чтобы двинуться на Крым, что в походе под Терки калмыки захватили 28 мирз Большого Ногая, намеревавшихся идти на помощь полякам. Он предлагал направить калмыков степью, а донцов морем на Крым, тогда, по его мнению, татары оберегали бы свои города и не имели бы возможности прийти на помощь польскому королю Яну Казимиру. Сведения о попытке Б. Хмельницкого вступить в непосредственный контакт с калмыцкими тайшами мы находим в его письме на имя царя, где он жалуется на донских казаков, задержавших на Дону его посланцев, направлявшихся к калмыкам. Правительство указала донцам пропустить их в калмыцкие улусы, но, к сожалению, нам не известны результаты этих переговоров.

В конце 1654 г. донские казаки, в том числе и с подачи правительства, отправили к калмыкам посланцев с предложением участвовать в совместном военном походе против Крыма. Момент для этого был избран подходящий, поскольку большинство крымцев ушли в польские и литовские города, ослабив тем самым защиту своего ханства. Тайши согласились и уже на весну 1655 г. планировали совместное с казаками выступление на Крым. Правительство, всячески поощряя такие связи, предоставило калмыкам возможность вести вольную и беспощинную торговлю в русских городах. Мирное соглашение с калмыками давало возможность передислоцировать значительную часть стрельцов, размещенных в волжских городах на границе с восточными кочевниками, на польско-литовское направление.

До заключения шерты 1655 г. целый год велись сложные переговоры между астраханской администрацией и тайшами. 8 января 1654 г. в Астрахань прибыли 4 татарских посланца от Мончака во главе с Тлевбердеем. Тайша предлагал заключить мирный договор при условии возвращения калмыцких пленных и отогнанных лошадей. Воеводы не признали наличия у них калмыцких лошадей, а мирный договор согласились заключить только при условии, если тайши пришлют к ним для переговоров более знатных представителей и вернут русский полон, к тому же сама личность калмыцкого татарина Тлев-

бердея не внушала им доверия. Тогда же, в январе, выходец из калмыцкого плена Степан Григорьев предупреждал администрацию, что калмыки откармливают лошадей для похода, а тайшам будто ведомо, что из Астрахани в Москву ушла большая партия стрельцов. Поэтому, принимая меры предосторожности, астраханцы дополнительно разместили 500 стрельцов по окрестным учугам в дельте Волги.

12 января 1654 г. от тайшей вновь прибыл Глевбердей, но уже с уфимцем В. Киржатцким. Требования оставались прежними, в частности, о возвращении 300 лошадей, отогнанных астраханскими татарами с калмыцких застав. Еще летом 1653 г. к Мончаку из Уфы приезжали русские и башкирские посланцы с предложением обменять полон. Мончак, собрав в улусе весь русский полон, часть его отправил в Уфу с одним из уфимских посланцев, остальных же оставил у себя в качестве заложников до возвращения калмыцкого полона. Так Киржатцкий волею обстоятельств оказался в калмыцких улусах и принял деятельное участие в переговорном процессе с Астраханью. Перед тем как заключить договор, астраханские власти требовали от тайшей прислать к ним знатных аманатов и только в этом случае обещали заключение мира, предоставление возможности торговать и отправку своих посланцев к тайшам. 19 января в Астрахань от Мончака прибыл калмык Конкодай с тем же Киржатцким и новым предложением о мире.

Активизация калмыцкой стороны в переговорном процессе объяснялась тем, что Дайчин прислал к Мончаку 30 своих людей со строгим указанием «быть в миру» с астраханцами. 27 января в Астрахань также прибыли послы Лузана — Батур и Ургечи, которых тайша прислал с правого берега Волги, где «зверовал» уже 10 дней. Лузан тоже предлагал воеводам жить в мире и обоюдно наказывать смертной казнью тех, кто занимается отгонами лошадей. Но астраханская администрация приехавшим калмыцкими посланцам выдвинула те же требования, что и ранее предъявляла Глевбердею.

5 февраля в Астрахань из калмыцких улусов вернулись толмач А. Борисов и В. Киржатцкий вместе с калмыцкими посланцами Беркулой и Досалеем. Борисов рассказал о своей встрече с Мончаком в урочище за рекой Алгара, в двух днях пути от города. Когда он при-

был в улусы, там царила довольно напряженная обстановка. Калмыки жаловались Мончаку о захвате и грабеже под Астраханью Янмамет-мирзою многих калмыцких людей, что стало основанием для недоверия тайши к русским посланцам. Мончак, не желая прекращать переговорный процесс, все-таки отправил к воеводам своих людей «для проведывания» о захваченных калмыках. Длительную задержку Борисова в улусах калмыцкие посланцы объясняли согласованием Мончаком и Лузаном общей позиции по отношению к Астрахани. Но Лузан без предварительного возвращения астраханцами калмыцких пленных наотрез отказался заключать договор. Борисов пытался объяснить тайшам, что в астраханской тюрьме нет калмыков, кроме двух ранее захваченных. По словам калмыцких посланцев, Лузан не желал слушать ни Мончака, ни отца его.

Когда попытки договориться мирным путем не имели успеха, калмыцкая сторона перешла к более активным действиям. 10 февраля Мончак с войском подошел к Астрахани и остановился напротив Долгого острова, в 12 верстах от города. К тайше воеводы отправили татарина, который, прибыв обратно 13 февраля, сообщил, что Мончак предлагает мир на основе заключения шерти и требует отпустить захваченных калмыков из Астрахани и Яицкого городка. Калмыцкие отряды заняли практически все городские окрестности. Астраханские мирзы обратились к воеводам с просьбой отпустить из тюрьмы двух калмыков, и те пошли им навстречу. Но 14 февраля был отпущен только Когулда, его отправили к тайшам с татаринном, который 19 февраля возвратился в Астрахань. Мончак требовал вернуть и второго калмыка, обещая после заключения мирного договора отпустить весь русский полон. В этот же день от тайши прибыли двое калмыков, Шен-Темир и Элбузар, с требованием вернуть из Яицкого городка уже 4 захваченных калмыков и отогнанных лошадей, а также прислать посланцев для заключения мирного договора. Лузан тоже участвовал в этом событии, поскольку астраханские татары отогнали у него с заставы тысячу лошадей, он со своим войском находился по соседству с Мончаком.

22 февраля калмыцких послов отпустили, а с ними к тайшам из Астрахани был направлен толмач Борисов. Лузан и Мончак находи-

лись на правом берегу Волги, в урочище Коровья Лука, на расстоянии дневного перехода от Астрахани. Борисов отправился к тайшам с прежними требованиями: возвращение ногаев, выдача калмыцких аманатов в подтверждение шерти, обмен пленными и откочевка калмыков за Яик. Толмач порекомендовал тайшам «быть под государевою рукою в подданстве и в послушанье», так как раньше «миру не бывало, опроче обману». Лузан и Мончак на это лишь ответили, «что де у них бывает договор, и послов своих они в Астрахань посылают на правде, и в том де они стоят, и идут они договариваться к Астрахани сами». В результате тайши своих посланцев к воеводам не отправили, а Борисова задержали.

Конфликтная ситуация у калмыков сохранялась не только на Волге, но и на Яике. В то время, когда Лузан и Мончак находились за рекой Бузан, к ним в урочище Берекете от тайши Церена Чоктуева, кочевавшего со своим улусом возле Яицкого городка, прибыли двое тайшей в сопровождении 30 человек. Они сообщили о захвате в плен яицкими казаками тайши Кайкулака с сыном и зятем. Лузан и Мончак отдали им задержанного Борисова с расчетом обменять его на тех пленных, но стрелецкий голова Яицкого городка Т. Селезнев отказался совершить обмен, не имея на то государева указа.

Это был тот редкий случай, когда русским удалось захватить в плен калмыцких тайшей. Позже Кайкулак пытался договориться с Селезневым, за свою свободу предлагая ему содействие в том, что Мончак и Нима-Церен отдадут всех русских пленных, захваченное оружие и лошадей. В крайнем случае, он обещал отдать лично Селезневу всех своих лошадей. В это время улусные люди Кайкулака окружили Яицкий городок, полностью блокировав его с суши. Астрахань срочно отправила в помощь туда стрелецкий отряд с запасами свинца и пороха, но калмыки сумели по дороге его перехватить, взяв в плен трех стрельцов и захватив 5 пудов свинца. Другой отряд из сотни стрельцов под командой Т. Ерофьева был также атакован калмыками, но уже под самим городком. В результате сотник и 59 стрельцов были убиты, 13 ранены, а все оружие досталось калмыкам. Вышедшие из городка на помощь им стрельцы спасли своих раненых сослуживцев. Калмыки, также потеряв часть своих людей, смогли взять в плен

только четырех конных стрельцов. Вокруг Яицкого городка повсюду стояли калмыцкие заставы.

В мае из осажденного калмыками городка Селезнев сумел передать в Астрахань, что Кайкулак 1 апреля умер от неизвестной болезни, а его сын и зять больны. 23 мая 1654 г. из Москвы пришел особый указ о переводе захваченных калмыцких тайшей из Яицкого городка в Астрахань, на Аманатный двор, с целью дальнейшего их обмена на государевых людей. Пленных калмыков удалось перевезти в Астрахань под усиленной охраной на судне по морю.

В 1654 г. Дайчин вернулся из Джунгарии в родные кочевья. С возвращением калмыцкого предводителя переговорный процесс калмыков с астраханской администрацией сразу же возобновился. 1 декабря 1654 г. в Астрахань вернулись Борисов, татарин Сеит Мамбеткулов и стрелец Ф. Дунайка. С ними приехали отправленные Дайчином и Моччаком «калмыцкие природные люди» — Сартугар, Ангай и Басу. Тайши снова предлагали астраханцам заключение мира и обмен пленными. Ухудшение русско-калмыцких отношений, по мнению калмыцких посланцев, было вызвано временным отъездом их предводителя: «как он, Дайчин тайша, кочевал в улусех своих, и при нем де государевым людям нигде от них калмыцких людей дурна никакого и задору не бывало, а как де он, Дайчин тайша, из улусов своих ездил по своей вере к молбищу молиться, и без него де твоим государевым людям под Астраханью и под иными твоими государевыми городами, и на промыслах от калмыцких их людей и от татар дурно всякое было, а на всякое де дурно их калмыцких людей наводят татаровья, которые с ними калмыцкими людьми вместе кочуют». Теперь Дайчин обещал астраханцам, что впредь с калмыцкой стороны «никакого дурна не будет». Дайчин через своих людей передал воеводам, что готов дать шерть, обменять пленных и вернуть захваченное в бою оружие.

В течение января 1655 г. стороны еще несколько раз обменялись посланцами, и в ходе этого процесса астраханские воеводы неоднократно требовали от тайшей аманатов, шерти и обмена пленными, обещая взамен предоставить возможность торговать под Астраханью и возвратить «кости» Хо-Урлюка. Если на обмен пленными Дайчин

еще соглашался, то первые два требования он решительно отверг. Лично шертовать Дайчин отказывался, впоследствии его представитель Дурал-дархан объяснял это тем, что тайша, будучи на богомолье в Тибете, дал обет, что ни он, ни его дети, ни при каких обстоятельствах шертовать не будут. Конечно, такая позиция не устраивала царских представителей и внушала еще больше недоверия к калмыкам. Но в условиях, когда Москва требовала решительных шагов в нормализации русско-калмыцких отношений, астраханские воеводы были вынуждены пойти на определенные уступки и согласиться с тем, что шерть дадут доверенные люди Дайчина — Дурал-дархан, у которого тайша «на руках вскормлен», его сын Чокула и тайша Церен Чоктуев.

Но уступки в данной ситуации предполагались отнюдь не в одностороннем порядке. Дайчину также пришлось в определенной степени изменить своим принципам. Форма клятвы, по сведениям астраханского воеводы И. П. Пронского, у калмыков была наиболее уважаемой. Поэтому накануне принятия шерти астраханских воевод интересовал вопрос процедуры клятвенного обряда у калмыков. Калмыцкая культура (с элементами буддийской), в отличие от относительно известной им мусульманской, была совершенно неизвестна русским людям. Поэтому воеводы расспросили у астраханских мирз, ранее живших у калмыков, «какая в калмыцкой вере прямая и крепкая шерть». Ответ их был довольно любопытным: калмыки «веруют и поклоняютца куклам, а по их калмыцкие — бурхан, да книги и чотки, что они на шеях у себя носят, а по их калмыцкие — бичик; и будет де тое шерти они учинят, то де их прямая шерть и тому де и верить мочно». По требованию воевод Дайчин после долгих препирательств все-таки согласился привезти «бурхана» к месту предполагаемой встречи русских и калмыцких представителей.

В подтверждение договоренности уже 3 февраля 1655 г. Дайчин прислал в Астрахань 5 русских пленников, а взамен от воевод получил 10 калмыцких. Так начался активный процесс обмена полоном, и стороны от угроз и ультиматумов перешли к конкретным действиям. Дайчин предложил отныне строить русско-калмыцкие отношения с «чистого листа».

Калмыцкие представители — тайша Церен Чоктуев, Дурал-дархан и его сын Чокула в сопровождении 200 человек — 4 февраля 1655 г. прибыли на заранее оговоренное место — у протоки Балчиклы. Русскую сторону на съезде представляли прибывшие из Астрахани Я. Ушаков, К. Козлов, подъячие, толмачи и стрелецкий голова. С собой русские представители привезли заранее подготовленный текст «шертной записи», на которой посланцы тайшей должны были расписаться. В ходе последовавших переговоров стороны обсудили и уточнили отдельные моменты, что также нашло отражение в шерти. Текст шерти, впервые опубликованный в Полном собрании законов Российской империи в 1830 г., приводится ниже.

Яз Дурал Тархан, Яз Серень Тайша, яз Чокула, шертуем Великому Государю, Царю и Великому Князю Алексею Михайловичу, всея Великия и Малыя России Самодержцу, и многих Государств Государю и Обладателю, и его Государеву сыну Государю Царевичу Князю Алексею Алексеевичу, и иным его Государским детям, которых впредь ему Государю Бог даст, за Дайчина Тайшу, и за Лаузана Тайшу, и за Санжина Тайшу, и за Мончака, и за Мамсрени Тайшей, и за братью их и за детей и за племянников, и за всех улусных людей, по их Дайчинову и Мончакову велью, шертуем на том, что Дайчину и Лаузана и Санжину и Мончаку Тайшам, с детьми своими, и с братьею, и с племянники, и нам всем их улусным людям быть у Великаго Государя Царя и Великаго Князя Алексея Михайловича, всея Великая и Малыя России Самодержца в вечном послушаны, и добра ему Великому Государю и его Государевым людям хотети, во всем в правду безо всякия хитрости, и с его Государевыми непослушники и с изменники, ни с кем ни о чем не ссылатись и за них не стояти, и Государевых Русских людей и вечных холопей Нагайских и Едисанских и Юртовских Таттар в улусах и на проездах, и на промыслех нигде не побивать и в полон не имать, и не грабить, и от прежних от всех своих неправд отстать, и Государеве отчине к Астарахани и на иные Государевы Украйные города и на уезды на Государевых людей, которые бывают в посылках и на промыслех и в про-

ездех, и на Нагайские и на Юртовские улусы, и на конские и животинные стада, войною Дайчину, и Лаузану, и Санжину, и Мончаку, и Мамсреню самим Таишам не приходить, и братьи своей, и детей, и племянников и улусных людей, и Государевых изменников Мурз и Татар не посылать, и Государевых городов, и сел, и деревень и учугов не жечь, и людей не побивать, и в полон не имать, и не грабить, и ни какаго зла не делать и не мыслить, по сей шерти и утвержденью. А где Государь укажет быть нашим Калмыцким Таишам и нам улусным людям на своей Государеве службе, с своими Государевыми ратными людьми вместе: и Таишам нашим и нам с Государевыми изменники и с непослушники битись до смерти, нещадя голов своих, а Великому Государю Царю и Великому Князю Алексею Михайловичу, всея Великия и Малыя России Самодержцу, его Царскому Величеству не изменить, его Государевых людей не подать, и хитрости над ними никакия не чинить. А Государевых людей Русской и Татарской и Черкасской полон и их животы, которых в прошлых годах и в нынешнем во 163 году взяли мы Калмыцкие люди и изменники Нагайские и Едисанские и Енбулуцкие Татарове, под Астараханью и под Темнякам и под иными Государевыми городами, собрав всех отдать в Государеву отчину в Астарахань; и Государевых изменников, Нагайских и Едисанских и Енбулуцких мурз и татар, которые в прошлых годах изменя Государю, из под его Государевы отчины из под Астарахани отошли к Таишам нашим в Калмыцкие улусы, которые из них похотят собою идти в Астарахань, и Таишам нашим и нам улусным людям в неволю их у себя не держать и не грабить, и отпущать их в Астарахань совсем, безо всякаго задержанья, и впредь к себе в улусы Государевых вечных холопей Нагайских и Едисанских и Юртовских мурз и татар от Государевы отчины от Астарахани, и от иных его Государевых городов не призывать; а будет кто собою придет, и их не принимать, и отсылать их в Астарахань, и Государевых людей Русских и Татар и Черкас полоняников, прислати им Таишам из улусов своих всех в Астарахань. А которых посольщиков, по

Государеву указу, из Государевы отчины из Астарахани посылають, и впредь из Астарахани и из иных Государевых городов Бояре и Воеводы учнут присылать, для Государевых всяких дел в Калмыцкие улусы, к ним Дайчину Тайше, и к Лаузану, и к Санжину, и к Мончаку Таишам, и к их детям, и к братье, и к племяникам, и к улусным людям: и Дайчину Тайше, и детям его, и братье, я племяникам, и улусным людям, тем присыльщикам безчестья ни какаго не делать, и не бить их и не грабить, и тесноты им у себя не чинить, и отпущать их безо всякаго задержания».

Яз Дурал Тархан, язъ Серень Тайша, язъ Чокула, шертуем Великому Государю, Царю и Великому Князю Алексию Михайловичу, всея Великия и Малыя России Самодержцу, и многих Государств Государю и Обладателю, Его Царскому Величеству, и сыну Его Государеву, Государю Царевичу, Князю Алексию Алексеевичу, и иным Его Государевым детям, которых Ему Государю впредь Бог даст, за Дайчина и за Лаузана и за Санжина и за Мончака и за Мамсрени Тайшей, и за братью их и детей и племянников, и за себя, и за всех улусных людей на том на всем, как в сей шертовальной записи написано. А будет Тайши наши и мы улусные люди не учнем так делать, как в сей шертовальной записи написано, и шерть свою и утверждение чем нарушим: и на Таишах наших, и на нас, Дурал Тархане, и на Серень Тайше, и на Чокулае, и на всех улусных людех, буди Божий гнев и огненный меч, и будем мы прокляты в сем веце и в будущем.

Калмыки в присутствии русских представителей провели клятвенный обряд: «бурхан свой и книги и чотки, что на шеях у себя носят, положи на шапки свои, подымали на головы свои, и, прикладываясь, целовали и поклонялись по своей вере и шертной записи». Затем тайша Церен приказал одному из сопровождающих его лиц по имени Батур «в шертной записи вместо их руки приложить калмыцким письмом». При отъезде калмыцких представителей астраханцы Церену Чоктуеву, Дурал-дархану и Чокуле подарили по 4 аршина английского красного сукна, а Батуру и Тлевбердею — по 3 аршина литовского сукна. По 4 аршина английского сукна в качестве жало-

ванья было отправлено Дайчину, Мончаку и Манжи-Ялбо. По просьбе Дайчина ему было также передано 5 ведер вина. Всех калмыков, присутствовавших при подписании шерти, русские щедро угостили вином и медом.

По мнению П. С. Преображенской, самым ранним письменным текстом шерти, из дошедших до нас, является шерть от 1655 г., а до этого времени записей калмыцкой шерти, собственно, не было. Однако с подобным утверждением нельзя согласиться. Подробное изучение русских документов первой половины XVII в. показывает, что имеются и более ранние письменные тексты шертей, например, шерть от 12 сентября 1631 г., которую дал Хар-Мерген за Хо-Урлюка, Дайчина и других торгутских тайшей, а также 2 шерти (февральская и апрельская) от 1649 г. Единственным их отличием от шерти 1655 г. является то, что они не имели большого политического значения в русско-калмыцких отношениях, которые могли бы кардинально повлиять на положение калмыков в Северном Прикаспии.

Письменная шерть 1655 г. походила больше на присягу в верности калмыков своим обязательствам по отношению к русской стороне. В документе не оговаривались сроки его действия, а Москва со своей стороны не требовала аманатов и ясака. Документ, подписанный под Астраханью калмыцкими представителями, в сущности, был соглашением между союзниками о мире и военном сотрудничестве. Именно так калмыцкая сторона рассматривала это соглашение, ожидая получения определенных обязательств от другой стороны. Также шерть 1655 г. не проливает свет и на решение территориального вопроса. Фактическое пребывание калмыков на левобережье Волги де-юре не было закреплено в шерти. Формально теперь калмыцкие улусы могли не опасаться карательных действий со стороны царских войск за нахождение на данной территории. Большое значение имело предоставление калмыкам возможности относительно безопасно торговать в поволжских городах. Торговля выступала своего рода орудием в руках правительства для достижения политического соглашения с тайшами. Калмыцкой стороне пришлось отказаться от языка военных угроз, чтобы обеспечить прочные торговые связи с русскими городами. В любом случае шерть 1655 г. имела для калмыков поло-

жительное значение, в первую очередь, как серьезное основание для решения в дальнейшем территориального вопроса, а также вопросов безопасности и торговли. Именно с этого времени отмечается потепление русско-калмыцких отношений, которое, в первую очередь, было связано с началом русско-польской войны.

Но заключение соглашения требовало и конкретных шагов, подкрепленных материальным стимулированием. Для этой цели уже в феврале 1655 г. из Москвы с жалованьем были отправлены: к Дайчину — З. Волков, а к Лузану — И. Горохов. Им предписывалось склонить тайшей к совместному военному выступлению на Крым и участию в польской кампании. Но дорогой послы были отозваны обратно. Основанием для этого стало получение царской ставкой под Смоленском отписки астраханского воеводы И. П. Пронского, сообщавшего уже о заключенной калмыками шерти под Астраханью. Правительство строго запретило своим подданным нападать на калмыцкие кочевья, фактически признав право калмыков кочевать по берегам Волги. В царской грамоте от 6 апреля 1655 г. на имя Г. С. Куракина, заведовавшего делами в Москве, прямо указывалось: предоставить тайшам кочевья на левобережье Волги, по рекам Ахтубе и Белой, или «под городами, где они (калмыки. — *В. Т.*) кочевать похотят». Отныне местные воеводы должны были всячески защищать калмыков от внешних угроз. Подобные распоряжения были отправлены в Астрахань, Самару, Саратов, Царицын, Черный Яр, а уфимскому воеводе А. Грановскому, например, прямо указывалось наказывать смертной казнью через повешение тех русских людей и башкир, кто в нарушение начнет с калмыками ссориться. Как видим, только с выходом в свет царского указа от 6 апреля 1655 г. уже «де-юре» положительно решается вопрос пребывания калмыков на левобережье Волги, начиная от Астрахани и до Самары.

Донские казаки совместно с запорожцами с 4 февраля по 17 сентября 1655 г. совершили морской поход на крымские владения. Еще до возвращения казаков в Черкасск, в июле к Дайчину и Лузану от атаманов были отправлены новые посланцы с повторным предложением о совместном выступлении на Крым и ногайские улусы. Подробности этой поездки нам становятся известны из сообщения в Москве ста-

ничного атамана П. Шевырева — одного из непосредственных участников этой поездки. Дорога в калмыцкие улусы у них заняла 9 недель, а остановились они в улусе Дайчина, к которому затем прибыли Лузан и Сюнкей. Тайши еще раз заверили, что готовы по царскому указу идти на Крым, как только Волга покроется льдом, но самостоятельно, без поддержки казаков. Донским представителям тайши выразили прямое недоверие.

Крымский хан был в курсе о заключении русско-калмыцкого соглашения: эту информацию он получил от пленного казака, захваченного под Азовом. По сообщению пленных крымцев, летом этого года хан отказался от отправки военной помощи полякам, так как ждал совместного выступления против него казаков и калмыков. Однако, по вышеизложенным причинам военные действия калмыков не носили совместный с казаками характер. Примерно в конце ноября — начале декабря 1655 г. калмыки под началом Лузана начали переправляться на правый берег Волги, весьма встревожив этим крымско-татарские дозоры на границе. Дон переходили в районе Раздорского городка, не заходя в само Войско и не вступая в контакт с атаманами.

Из донесений волуйского воеводы Ф. Зарубина известно, что в начале 1656 г. калмыцкий отряд в 1,5 тыс. человек за Молочными Водами под Крымом овладел улусом Армамет-мирзы, захватив свыше тысячи человек и около 15 тыс. лошадей. Позже, 17 февраля, этим же маршрутом на Крым двинулся другой калмыцкий отряд в 500 человек. На этот раз удар был нанесен уже по татарским улусам на азовском взморье, южнее крепости Азов. В этот же день 4 тыс. азовских татар совершили ответное нападение на Черкасский городок, видимо, с целью предотвратить объединение калмыков и казаков. Отсюда можно сделать вывод, что военная служба калмыков России началась именно с 1656 г., хотя первоначально она не включала в себя совместные с русской армией действия.

В 1655 г. воеводой в Астрахани был назначен боярин В. Г. Ромодановский, который продолжил переговорный процесс с тайшами с целью подписания ими новой шерти. Можно предположить, что в Москве не совсем были удовлетворены результатами работы команды предыдущего воеводы И. Пронского и заключенной с калмыками

шерти 1655 г., поскольку в течение всего этого года калмыки так и не выставили значительные свои силы против крымских татар. Это обстоятельство, видимо, и повлекло за собой полную смену руководства Астрахани, отвечавшего за калмыцкое направление во внешней политике Москвы. Воеводе Ромодановскому и его команде, куда входили Иван Никитич Колтовский, стольник кн. Иван Семенович Гагарин, дьяки Иван Горохов и Исай Нефедьев, ставилась задача — заключить новое русско-калмыцкое соглашение.

В марте 1656 г. при дьяке И. Горохове калмыцкие посланцы шертовали за Дайчина, Лузана, Мончака, Нима-Церена и Санжина. П. С. Преображенская, изучив сохранившиеся фрагменты текста шерти 1656 г., пришла к выводу, что в основном она соответствует предыдущей шерти 1655 г. Известно, что по ее заключении Дайчину, двум его сыновьям и 55 улусным людям было выдано жалованье, о чем свидетельствуют сохранившиеся росписи «шертовавших» лиц и размеры выданного им жалованья.

Судя по русским источникам, после взятия на себя определенных политических обязательств в 1655 и 1656 гг. калмыки так и не приняли должного участия в военной кампании России против Крыма и Речи Посполитой. Причиной этому могли стать продолжающиеся совместные набеги башкир и саратовцев на пограничные калмыцкие улусы. Но основанием для возобновления новых русско-калмыцких переговоров послужили известия о прибытии в калмыцкие улусы персидских и крымских послов с письменными посланиями от своих правителей.

Но более всего царское правительство было обеспокоено сведениями о калмыцко-крымских переговорах. Так, в начале мае 1656 г. русские посланники в Крыму узнали о приезде к хану калмыцкого представительства из 30 человек, пригнавших на продажу 6 тыс. лошадей. Вглубь полуострова пропустили только трех человек — двух послов и толмача, остальных людей крымцы оставили за Перекопом. Калмыков расположили на постой недалеко от Бахчисарая, в деревне Бунганак, что находилась в 5 верстах от русского посольского стана. Толмач И. Свиридов с татарским переводчиком сразу же вошли с ними в контакт и узнали о цели их приезда. Как оказалось, калмыцкие послы прибыли к крымскому хану от некоего тайши.

В ходе переговоров по подготовке подписания шерти воевода Ромодановский предъявил тайшам два главных требования: выдача аманатов в Астрахань и принесение шерти лично тайшами. В этом случае калмыкам были обещаны безопасность кочевий и свободная торговля. Ромодановский делал упор на те условия договора, которых так и не удалось добиться от калмыков прежним астраханским воеводам. В подобной ситуации, когда одна жесткая позиция наталкивается на другую, большую роль играет посредническая деятельность лиц, способных сгладить острые противоречия договаривающихся сторон. В данном переговорном процессе в роли посредника выступил едисанский мирза Сююнча Абдулов, пользовавшийся доверием Дайчина. Именно он по просьбе Ромодановского «наговорил» приближенным людям Дайчина оказать давление на тайшу, чтобы тот согласился с требованиями воеводы. После достаточно сложных предварительных обсуждений тайши согласились дать шерть на условиях, выдвинутых Ромодановским. При этом о своем окончательном согласии дать аманатов Дайчин объявил через посланца в Астрахани буквально за день до шертования, т. е. 29 марта. Все это стало результатом настойчивости, проявленного воеводой. 30 марта в устье реки Кутум под Астраханью состоялся русско-калмыцкий съезд. С астраханской стороны приняли участие стрелецкий голова А. Дернов и участвовавший в подготовительной работе татарин Эшей Кашкарин. С калмыцкой стороны прибыли в сопровождении 1,5 тыс. человек тайши Мончак и Манжи-Ялбо, лично подписавшиеся под шертью.

При сравнении текста шерти с предыдущими устными и письменными шертями обнаруживается несколько существенных отличий. Во-первых, в отличие от предыдущих договоренностей, например, от шерти 1655 г., где имела место не совсем определенная формулировка отношений «быть в вечном послушании», базировавшаяся на принципах вассалитета, новая шертная запись конкретно определила «быть в вечном подданстве и послушании».

Во-вторых, новым пунктом стало обязательство предоставлять аманатов из числа родственников, ближайших к правящей семье Дайчина и Мончака.

В-третьих, впервые калмыки обязывались не иметь никаких отношений с враждебными России государствами — Османской империей и Крымским ханством. Последнее обязательство, как считает П. С. Преображенская, нельзя рассматривать как попытку правительства ограничить свободу внешних сношений калмыков. Договор только фиксировал принцип: «враг моего союзника — мой враг», и это никак не распространилось на другие государства, находившиеся в мирных отношениях с Россией и калмыками.

Вместе с тем, как свидетельствуют русские документы, в калмыцкие улусы все же продолжали беспрепятственно приезжать многочисленные крымские посольства, что не мешало тайшам оставаться верными русско-калмыцким договоренностям.

Содержание русско-калмыцких переговоров, предшествовавших подписанию шерты 1657 г., свидетельствует о том, что калмыки эту присягу рассматривали как соглашение между двумя военными союзниками. В. В. Трепавлов приходит к выводу о том, что подобный вид документа можно рассматривать и как форму межгосударственных, а не внутригосударственных отношений, на период действия которого младший партнер как бы переходил под покровительство российского монарха, но не включался в число его подданных.

В качестве аманата Мончак и Манжи-Ялбо отправили тайшу Кулачи, а с ним и двух его родственников «кереитского родства» — Булата Когуржанова и Эргеля Мубулова. В Астрахань их привезли А. Чернов и толмач П. Иванов, с которыми тайши также передали пленных. Калмыцким аманатам была устроена торжественная встреча, вдоль их шествия стояли служилые люди, и все было устроено «по посольскому обычаю». Воеводы поселили калмыков не на Аманатном дворе, где содержались другие мирзы-заложники, а в отдельном дворе, тем самым, подчеркивая особенность данного события. 1 апреля Кулачи был принят астраханскими воеводами в Приказной палате. Астраханцы расспросили тайшу о его здоровье, а затем привели его к шерты. В знак особого к нему расположения воеводы угостили Кулачи и его людей медом, вином, подарили однорядки и шапки. По сравнению с другими аманатами калмыков обеспечили питанием

«с прибавкой». Приехавших в Астрахань калмыцких послов затем отправили в Москву.

Калмыцкой стороне были переданы удерживавшийся в Астрахани калмыцкий ясырь и жалованье для тайшей. Дайчину отправили соболью шубу, украшенную серебром и жемчугами стоимостью 60 руб., а также меховую шапку из горносталя (20 руб.). Мончаку достались соболья шуба (55 руб.) и шапка (21 руб.). Московские власти перешли к более весомому размеру материального стимулирования калмыков. Как известно, после подписания шерти 1655 г. тайши получили весьма скромные по стоимости подарки. Двумя годами позже правительство поняло, что подарки и жалованье тайшам должны ничуть не меньше соответствовать подаркам, которые они получают из Крыма. Теперь калмыцкие тайши стали получать ежегодное жалованье в размере 810 руб. В марте этого же года в районе Красного Яра по просьбе Дайчина дали шерть его родственники и приближенные люди.

Дайчин остался доволен заключенным соглашением и отправил в Москву своих послов — Кучюка Нарушаева, Элакая Эшбердеева и ногайца Бекбаши (представителя С. Абдулова). 16 июня калмыцкие послы прибыли в Москву. 23 июня они были приняты царем. Дайчин через послов сообщил царю о шерти, заключенной его сыном и внуком под Астраханью, и на этом основании просил разрешения для калмыцких улусов кочевать летом по берегам Волги и предоставить возможность свободной торговли в приволжских городах. Тайши выразили готовность совместно участвовать с русскими в войне против Крыма.

В июле 1657 г. состоялось заседание Боярской Думы, на котором обсуждался вопрос о принятии калмыцкими тайшами новой шерти. Послам в Москве оказали радушный прием, и этим же летом по царскому указу тайшам отправили жалованье: шубы, однорядки, меховые шапки и сукно. Царь также приказал вернуть калмыкам хранившиеся в Астрахани останки Хо-Урлюка и других тайшей. Из Москвы к местным воеводам пришел строгий указ: казнить всех, кто нападает на калмыков без государева указа.

П. С. Преображенская обращает внимание на тот факт, что в письме к царю за 1657 г. Дайчин именуется себя «холопом», чего ранее за ним не наблюдалось. Основываясь на этом, исследователь делает вы-

вод, что именно с этого года можно рассматривать завершение процесса добровольного вхождения калмыков в состав Российского государства. По мнению К. Н. Максимова, принцип «государь — холоп» характеризовал саму суть самодержавной политики, и с появлением подобной официальной формулировки определился новый рубеж в отношениях России с калмыками — добровольное государственное подданство без приобретения населением, так сказать, гражданства. Можно предположить, что произошло принятие калмыками русского подданства, но без вступления в состав государства.

Формулировки «холопство» и «подданство» в некоторой степени нуждаются в уточнении. Мы не знаем, насколько точен был русский перевод письма Дайчина 1657 г., но имеются полные тексты русского перевода аналогичных писем Дайчина за 1658 и 1661 гг. (в т. ч. подлинники на старописьменном монгольском и татарском языках), где отсутствуют такие термины, как «холоп» или «холопство». Более того, в самом тексте шерти 1657 г. отсутствуют подобные формулировки.

Как отмечает М. М. Батмаев, в дальнейшем царские власти и калмыцкие правители не могли предвидеть объективный ход событий, поэтому у первых оставались большие подозрения об истинных намерениях тайшей, а последние преследовали свои интересы, не всегда совпадавшие с желаниями правительства. Новое соглашение, однако, оказалось непрочным, поскольку правительство не сумело до конца выполнить свои обещания. В последующие годы выплаты жалованья временно приостановились, а набеги башкир и казаков на калмыцкие улусы продолжились. Все это не могло не разочаровывать тайшей в политике российских союзников, в то время как крымские посольства делали все более заманчивые предложения. Но продолжение курса на укрепление союза с Россией для калмыков было более перспективным, нежели предложения крымского хана. Положительное решение территориального вопроса оказалось для калмыков наиболее насущным и необходимым, поскольку определилась более или менее постоянная территория калмыцких кочевий в Северном Прикаспии, что, в свою очередь, отражало процесс становления Калмыцкого государства.

Крымский хан Мухаммед-Гирей IV внимательно и настороженно следил за укреплением связей калмыков с Россией. Крымская дипломатия предприняла ряд конкретных шагов по привлечению калмыков на свою сторону, а крымские послы стали частыми гостями в улусах тайшей. Примерно во второй половине 1656 г. в калмыцкие улусы прибыло крымское посольство с письменным посланием от хана. Внимательно следивший за ситуацией в калмыцких улусах астраханский воевода Ромодановский был осведомлен об этих событиях, он немедленно потребовал от калмыков выдачи этого письма. После долгого упорства тайши в феврале 1657 г. все-таки передали астраханским властям «лист» крымского хана.

Летом 1657 г. из Астрахани к Дайчину прибыли татарские посланцы с письмом. Его улус в это время кочевал в урочище реки Иргиз, но самого тайши и его братьев, а также Мончака и Манжи-Ялбо в улусах не оказалось. Как выяснилось, они отправились на дальние кочевья для «призыва» Лузана, отошедшего от них в прошлом году. Посланцам пришлось передать «лист» супруге Дайчина — Каныш-Ахай. От нее они узнали, что прошлой весной башкиры совершили очередной набег на калмыков, захватили 200 кибиток, скот и лошадей. При этом в разговоре с посланцами Каныш подчеркнула, что это уже «учинилось после шертованья и аманатов».

Как видно, новый виток напряженности в русско-калмыцких отношениях был снова спровоцирован третьей стороной. Посланцы решили дожидаться возвращения тайшей, и именно в это время произошел очередной башкирский набег.

Продолжавшиеся нападения башкир на калмыцкие улусы не могли не вызвать недовольство у Дайчина после его возвращения с дальних кочевий. Действительно, уже в сентябре 1657 г. в Уфу вместе с торговым караваном из Ургенча прибыл его посланник — ногаец Янибек Идилбаев, который сообщил о готовности Дайчина совершить обмен полоном. По его сведениям, в Яицком городке находились 53 калмыка, захваченных во время совместного набега казаков и башкир на калмыцкие улусы. Однако в Яицком городке прибывшим калмыцким посланцам казаки сообщили, что все пленные калмыки находятся в Уфе. Уфимские власти не подтвердили наличие у себя

калмыцкого полона, напомнив, что башкирам официально запрещено нападать на калмыков, а яицкие казаки находятся далеко. Уфимский воевода А. И. Головин отверг причастность башкир к последним набегам на калмыцкие улусы, в то же самое время доложив о них в своем сообщении в Москву. По мнению М. Ходарковского, правительство, занятое решением проблем на западе, оказалось неспособным выполнить свои обещания перед тайшами и не смогло в достаточной мере использовать власть по отношению к «непослушным» подданным, поскольку указы жить мирно с калмыками часто ими игнорировались.

В конце 1657 г. Дайчин все свое внимание переключил на астраханское направление. В Астрахани воеводы настойчиво продолжали требовать от тайшей заменить калмыцких аманатов на более знатных лиц, а также на сына или племянника едисанского мирзы С. Абдулова. Недоверие воевод к тайшам сохранялось, и это заметно раздражало последних, а невыполнение русской стороной взятых на себя обязательств, особенно по вопросу о башкирских набегам, только усиливало их недовольство.

Весть о заключении русско-калмыцкого договора быстро разлетелась по соседним регионам. Народы Северного Кавказа эта новость сильно встревожила, так как они опасались, что теперь это развяжет калмыкам руки по отношению к тем, кто еще не принял русское подданство или действовал против интересов Москвы. Например, кумыцкий шевкал и Казаналп-мирза обратились к терскому воеводе с просьбой об оказании им военной помощи в случае калмыцкого вторжения на их территорию. Взамен они обещали предоставить в Терский городок аманатов, вернуть имеющийся у них русский полон и отправить своих послов в Москву.

В Москву калмыцкое посольство прибыло в мае 1658 г. В его состав входили представители Дайчина, Мончака и едисанского мирзы С. Абдулова, а калмыцкую делегацию из 6 человек возглавлял Кушучи-дархан. В Посольском приказе послы сообщили о неоднократных попытках крымского хана, персидского шаха и хивинского хана склонить калмыков к союзу и подчеркнули, что тайши и мирзы настроены на дальнейшее укрепление русско-калмыцких отношений.

Единственное, что, по мнению послов, омрачало эти самые отношения, были постоянные набеги башкир и яицких казаков, о чем в своем письме, адресованном царю Алексею Михайловичу, сообщали Дайчин и Мончак.

В письме от тайшей излагалась жалоба на одного из астраханских воевод, И. Колтовского, который ранее докладывал в Москву, будто бы Мончак и Манжи-Ялбо в 1657 г. под Астраханью великому государю лично не шертовали, а в аманаты дали, «назвав тайшою, самово худово и старово и увечного человека, а другово и тово хуже». На основании полученной информации из Москвы в Астрахань пришел указ, чтобы временно придержали уже отправленное тайшам жалованье. Подобные подозрения и недоверие со стороны местной администрации оскорбляли тайшей, и они, в свою очередь, пытались добиться справедливости в Москве.

25 июня 1658 г. прошла аудиенция калмыцких послов у царя Алексея Михайловича. Имеется довольно любопытное описание церемониала представления государю калмыков. На постоянный двор из царской конюшни послам присылали лошадей. Их доставляли в Кремль, непосредственно в Посольскую палату. Здесь послы ждали указа, а затем их проводили через Архангельскую площадь, отсюда они поднимались по Средней лестнице и входили в палату к государю, где «били ему челом». В царский дворец Московского Кремля иностранные послы входили двумя путями: представители христианских государств — по лестнице «у Благовещения» на соборную паперть и далее по переходам у Красного крыльца; иноверцы — по Средней лестнице сразу на Красное крыльцо, так как «бусурманским» дипломатам негоже было проходить соборной папертью.

Тронное возвышение русского царя находилось в Золотой палате, в юго-восточном углу. Думный дьяк Л. Лопухин официально представил калмыцких послов государю. Алексей Михайлович велел провести расследование по «делу» Колтовского и вынести решение вплоть до его возможного наказания. Что же касалось набегов на калмыцкие улусы башкир и яицких казаков, то царь приказал вернуть калмыкам все захваченное у них имущество, пленных и обменять аманатов.

Калмыцким послам, как и членам других посольств, прибывавших в Москву, предоставлялось отдельное подворье, а Посольский приказ обеспечивал стрельцкой охраной. В XVII в. калмыков обычно селили на Ордынской улице или в Ордынской слободе. При этом никто, кроме приставов и охраны, не имел права входить к послам. Чтобы не допустить возможности калмыкам собирать информацию, царская администрация старалась не допустить их контактов с местными жителями.

В итоге в Москве калмыцким послам удалось донести до царя пожелания и просьбы тайшей и получить положительный ответ. Но на местном уровне инертность, субъективизм и недоверие к калмыкам большинства царских представителей тормозили дальнейшее развитие русско-калмыцких отношений, что в условиях продолжавшейся войны не отвечало интересам и царских властей.

В августе 1658 г. из Астрахани к тайшам с жалованьем был отправлен стрельцкий голова П. Шибанов, который 22 сентября прибыл в улус Дайчина. Попытки русских властей взять под контроль внешнеполитические связи калмыков (в первую очередь это касалось их отношений с Крымом) не имели успеха. Слухи о приездах к тайшам все новых посольств из соседних государств обрастали свежими подробностями. Поэтому главной задачей, стоявшей перед русским посланцем, было получение любыми средствами писем крымского хана. На требование Шибанова о выдаче царским властям крымского письма Дайчин ответил достаточно кратко и сухо: как отыщем, так и пришлем. Понятно, что письма существовали, и об их содержании русские могли только догадываться. Подобное поведение калмыцких владельцев, конечно, не устраивало царскую администрацию, но и у тайшей имелись свои резоны. Когда Шибанов посоветовал Дайчину, чтобы тайши «обновили» свои шерти, тот ответил: когда в Астрахани сменится боярин, то и шерти обновим и аманатов переменим.

Частая ротация воевод в Астрахани также была одной из причин, затруднявших достижение сторонами взаимопонимания. Не успевали тайши наладить отношения с одним воеводой, как на смену ему приходил другой. Действительно, в 1658 г. Москва полностью сменила руководство в Астрахани. На воеводство вместо Ромодановско-

го и его людей прибыли кн. Д. П. Львов, Н. М. Беклемишев, дьяки М. Шишкин и С. Калинин. Возможно, это было сделано в ответ на многочисленные жалобы калмыцких тайшей на действия отдельных астраханских воевод, которые, как считали они, незаслуженно обвиняли калмыков в «политических махинациях» при заключении договора. В нашем распоряжении, к сожалению, нет документальных свидетельств, которые могли бы пролить свет на эти события, но, судя по реакции центральных властей, в условиях продолжавшейся войны с Польшей и Крымом Москва решила не обострять русско-калмыцкие отношения.

10 октября 1658 г. Шибанов вернулся в Астрахань вместе с калмыцким представительством, куда входили следующие лица: Дай-дархан и Келделе (от Дайчина), Янги-Батур (от Мончака), Начин (от Мергена), Эрке-Батур, внук тайши Даря, и Чавук (от едисанского Абла-мирзы Тинбаева). Послы привезли с собой составленное на ногайском языке письмо Дайчина, где тайша обращается на имя русского царя и нового астраханского воеводы. В нем он перечисляет вещи (однорядки, шубы и шапки), привезенные Шибановым в качестве жалованья, и имена калмыцких тайшей, между которыми он их поделил. Однако калмыцкий правитель был недоволен отсутствием денежного жалованья, которое якобы словесно было ранее обещано его послу из расчета 200 руб. Дайчину и по 100 руб. — Манчику и Манжи-Ялбо. В заключение тайша еще раз заверил воевод в незыблемости прежних договоренностей.

О возросшей роли калмыков во внешней политике России, особенно на крымском направлении, говорят многочисленные факты. Например, в сентябре 1658 г. из Москвы астраханскому воеводе Д. П. Львову пришел указ склонить Дайчина, Мончака и Манжи-Ялбо к тому, чтобы они отправили совместное письмо крымскому хану Мухаммед-Гирею с предупреждением не ходить войной под русские города, в противном случае угрожая выступить против Крыма.

Опасения не были беспочвенны. В начале 1659 г. царские власти обеспокоило то обстоятельство, что Дайчин не приехал к Астрахани для заключения нового договора. 9 февраля в калмыцкие улусы был направлен боярский сын К. Керейтов, и 18 февраля он уже был

на месте. Подтвердить шерть перед новыми астраханскими воеводами и переменить аманатов Дайчин соглашался только при условии выплаты ему окончательного жалования в 800 рублей. В противном случае он грозился Керейтову оказать военную помощь Крыму. Дайчин, высказав в открытой форме все свои претензии, предупреждал о возможных последствиях в случае невыполнения русской стороной его требований.

В 1659 г. русско-калмыцкие отношения подверглись новому испытанию, на этот раз на уфимском направлении. Военная активизация калмыков была вызвана очередным набегом башкир летом, в результате которого пострадал кочевавший с калмыками ногайский улус «лутчево» человека Дайчина — мирзы Казарчи Бекимбета. Погибли сам Казарчи, трое его сыновей и сын ногайского мирзы Аслана. Башкиры в ходе набега отогнали 600 лошадей.

В ноябре 1660 г. Дайчин и Мончак были готовы совершить очередной большой военный поход на Северный Кавказ и в Северное Причерноморье. Практически все калмыцкие тайши участвовали в нем, за исключением дербетского Солом-Церена, оставленного со своими людьми для охраны улусов. Предварительно в районы будущих вторжений были направлены разведывательные отряды, а именно — под Крым, Азов, Казыевский улус и Северный Дагестан. Как сообщали посланцы Дайчина и Мончака в Астрахани, сами тайши находились «на стану для вестей», в то время как основные силы калмыков располагались на одном из урочищ у реки Кума. В результате набегов разведывательных отрядов у казыевцев было убито 40 человек и отогнано 2 тыс. лошадей, крымцы потеряли 200 человек, у кемардеевских и бесленеевских владельцев отогнали 2 тыс. овец, у большеногайских мирз Султанаша, Ямгурчя и Каракасала, кочевавших под Тарками и у Эндери, отогнали 2 тыс. лошадей.

В декабре 1660 г. Мончак со своим войском перешел реку Лаба и в урочище Бичигиз разгромил казыевские улусы Навруза Шейдякова и других пяти мирз. Дайчин ходил войной на темрюкских, табанских, кимирдинских, бесленеевских людей, а также ногайских мирз «Ураковой половины» — Девея-мирзу, Чебан-мирзу Ищерекова и Навруз-мирзу. Разгрому подвергся и Казыевский улус Кантемира-мирзы

Аблина и Урак-мирзы Каспулатова. Калмыки захватили большое количество пленных, лошадей и скота. Раньше всех в улусы вернулся Манжи-Ялбо, захвативший в ходе военного похода ногайский улус мирзы Навруза Касаева и 3 тыс. пленных.

Помощь, оказанная калмыками в ходе зимней военной кампании 1660/61 гг., русским правительством была признана весьма ощутимой. Но, по всей видимости, тайши не довольствовались разгромом Казыевского улуса, поскольку после зимнего похода в двух днях пути от этого улуса, в урочище Морская протока, ими был оставлен отряд в 500 калмыков с приказом — громить остатки казыевцев. Как докладывал Мончак в своем письме к Г. С. Черкасскому, у Дона, под Азовом и Темрюком он оставил в общей сложности до 2 тыс. калмыков.

Прибывшие в начале 1661 г. в калмыцкие улусы крымские послы известили тайшей о разгроме крымско-польскими войсками 40-тысячной русской армии под Чудновым в октябре 1660 г. Вдохновленные военным успехом, крымцы агитировали Дайчина и других тайшей присоединиться к ним для войны с Россией, обещая в случае победы отдать такие города, как Казань и Астрахань. Но Дайчин, не польстившись на столь громкие обещания, отказал послам.

По мнению М. Л. Кичикова, усилия крымского хана, рассчитывавшего своей провокационной деятельностью посеять раздор и недоверие между калмыками и русскими властями, потерпели неудачу. Калмыцко-крымские переговоры в целом не изменили политического курса большинства представителей калмыцкой знати, ориентированного на укрепление связей с Москвой, несмотря даже на продолжавшиеся инциденты на границе между царскими подданными и калмыками.

Крупные сражения, произошедшие в 1659–1661 гг. в ходе русско-польской войны, привели к значительному истощению сил с обеих сторон. Русская армия потерпела поражения под Конотопом (1659 г.), где погибла элитная дворянская конница князей С. Р. Пожарского и С. П. Львова, и под Чудновым (1660 г.), приведшая к пленению полководца и боярина В. Б. Шереметьева. Участие в войне на стороне Речи Посполитой значительной массы крымских татар заставило царское правительство вновь вернуться к «калмыцкому вопросу».

Сохранение относительного спокойствия на степных границах на южном направлении было одной из главных задач внешнеполитического курса правительства царя Алексея Михайловича. Во многом это зависело от урегулирования взаимоотношения с калмыцкими тайшами. Поэтому в планы царского правительства, естественно, входило привлечение калмыков в качестве дополнительной военной силы в виде конницы. Как посчитали в Москве, использование калмыцких отрядов в войне с Крымом позволило бы правительству существенным образом улучшить положение дел на южном театре. В 1660 г. как одно из отделений Посольского приказа был создан особый Калмыцкий приказ под управлением боярина В. Ромодановского и дьяка И. Горохова. Серьезность намерений царя и его правительства выразилась и в выборе главой русского посольства к тайшам опытного переговорщика И. Горохова. Как отмечал современник тех лет Г. Котошихин, к крымскому хану и калмыцким тайшам отправляли посланников из числа представителей средних дворянских родов.

Среди русских посольских миссий, отправленных к калмыкам в XVII в., посольство Горохова 1661 г. занимает особое место. Это важное событие всецело отражено в путевых заметках русского посла, изложенных им в «Статейном списке дьяка Ивана Горохова, посланного к калмыцким тайшам для приведения их к присяге в верности к государю». Назначение Горохова дьяком Калмыцкого приказа было отнюдь не случайным. Правительство царя Алексея Михайловича обращало серьезное внимание на подбор кадров, осуществлявших сношения с калмыками. За короткое время Горохов сделал блестящую карьеру. Хорошее знакомство с жизнью кочевников, находчивость, смекалка и другие способности содействовали его выдвижению. Первые упоминания о нем относятся к 1642 г., когда ему было поручено отправиться в Москву с отписками из Астрахани. В 1655 г. он уже выступал послом царя к тайшам Дайчину и Лузану. В 1656 г. Горохов принимал шерти (договора) от 50 калмыцких тайшей. Присутствует он и при подписании шерти в 1657 г.

Правительство ставило перед Гороховым главную задачу — заручиться согласием тайшей на отправку своих войск против Крыма. Москва связывала большие надежды с положительным решением

этого вопроса, поэтому посольство было тщательно подготовлено, подарки для тайшей оценивались на общую сумму в 1074 руб. В «наказной памяти», составленной для Горохова в Посольском приказе, предусматривались приблизительные ответы на возможные вопросы калмыцких тайшей. Схожие цели и задачи были поставлены и перед назначенным 6 июня 1660 г. новым астраханским воеводой кн. Г. С. Черкасским.

В марте Дайчин вернулся из тяжелого 4-месячного кавказского похода и попросил Горохова подождать 15 дней, так как хотел отдохнуть перед началом официальных переговоров. Уже 26 апреля выехавший из Астрахани Горохов ждал тайшей на левобережье Волги, за рекой Берекети. Именно сюда 4 мая также прибыли К. Черкасский с донскими представителями. Приезд посланцев от донского казачества не был случайным. Еще 20 февраля Дайчин прислал к войсковому атаману К. Яковлеву посольство во главе с Батуром Аянгеевым, чтобы «они, Донское Войско, были с ними в миру и на крымского хана стояли заодно». В результате переговоров стороны заключили мир, а калмыки в качестве гарантии дали двух аманатов и шертовали «на своей правде и по своей калмыцкой вере» за всех своих владельцев. Атаманы в свою очередь отправили к тайшам уже своих представителей — Ф. Будана и С. Разина, которые должны были окончательно решить вопрос об условиях участия калмыков в предстоящем крымском походе. По-видимому, у Дайчина сложились весьма доверительные отношения с казаками, поскольку, судя по сведениям с Дона, тайша включил своих детей и внуков в состав посольства из 9 человек. Дайчин кочевал под Астраханью и готовил к крымскому походу войско из 6 тыс. калмыков и 2 тыс. ногаев под командой Чокулы.

Большую помощь посольской миссии Горохова в калмыцкие улусы оказали назначенный царским указом в Астрахань главным воеводой боярин Г. С. Черкасский, а также окольничий С. В. Волынский и стольник А. Я. Дашков. Одновременно Г. С. Черкасский возглавил недавно созданный Калмыцкий приказ, сменив на этом посту В. Г. Ромодановского. Главным порученцем воеводы по связям с калмыками был его племянник К. М. Черкасский.

В апреле 1661 г. из Астрахани в калмыцкие улусы были отправлены К. Черкасский и стрелецкий сотник М. Сурин. Первоначально они прибыли в улус Дайчина, кочевавший на реке Узень, где пробыли 9 недель, затем, отправившись вверх по реке, достигли улуса Мончака, где прожили еще 5 недель. В результате переговоров с тайшами был заключен договор, по которому калмыки обязались выделить для совместного с русскими похода на Крым 500 воинов под началом 30 командиров. Военный сбор калмыцких отрядов из разных улусов состоялся на реке Еруслан, и общую команду из 472 воинов возглавил Зан-Кашка. Для переправки калмыков через Волгу царицынский воевода выделил 2 струга и 20 лодок. Уже на Дону калмыки соединились с русским войском под командой воеводы И. Хитрово и атамана К. Яковлева, состоявшим из 200 конных казаков, 3 тыс. казаков на судах и 6 тыс. пехотных солдат.

При первом же знакомстве у Дайчина с Гороховым произошла словесная дуэль по поводу разного понимания церемониальных традиций. На предложение дьяка встать и снять головной убор «против царского величества имени» тайша ответил отказом, сославшись на отсутствие у калмыков подобного этикета перед иностранными послами. Когда же Горохов привел в пример имена других монархов, по его словам, не гнушающихся встать перед именем русского царя, Дайчин ответил, что поступает так не из гордости, и приказал своему переводчику Эсен-дархану встать и снять шапку. Таким образом, выход из ситуации был найден. Русский посол после обмена приветствиями и любезностями вручил калмыцкому правителю царскую грамоту и сообщил о положительном решении московскими властями ходатайства тайшей о возвращении калмыцких пленных, захваченных башкирами. Далее последовала процедура вручения тайшам государевых подарков и жалованья.

В течение последующих четырех дней Горохов вел переговоры не только с Дайчином, но и его ближайшим окружением, в ходе которых обсуждались различные вопросы: о задержке в Москве калмыцкого посла Урусамба, недостаточном размере выдаваемого тайшам царского жалованья, об укрывательстве в калмыцких улусах башкирских повстанцев и условиях взаимного ненападения.

Дайчин рассказал Горохову о недавних походах калмыков на Кубань и под Азов, а также о дальнейшем намерении выдвинуться на Крым. Всем своим улусным людям тайша велел «заказ учинить крепкий», чтобы «никаких ссор и задоров с людьми великого государя не чинили, только чтоб и от русских людей калмыкам лиха не было». Но до сих пор нерешенным оставался башкирский вопрос. Горохов поставил в известность Дайчина о конкретных шагах правительства в решении этого вопроса.

29 мая состоялась первая встреча Горохова с Мончаком, и носила она во многом закрытый характер, поскольку тайша велел своим людям никого не впускать в кибитку. Мончак сразу же выразил Горохову свою готовность отправить калмыцкие отряды против Крыма. Переговоры не омрачил и факт присутствия в улусе крымского посла в лице азовского аги, поскольку тайша успокоил Горохова, заверив его в том, что у калмыков намерения мирные. Можно предположить, что сознательно была устроена утечка информации о приезде крымского посольства через едисанского мирзу С. Абдулова, чтобы тем самым оказать определенное давление на русского посла во время переговоров.

Из приведенного разговора видно, что калмыцкие тайши были весьма недовольны малым размером жалованья, выплачиваемого Москвой за военную службу, особенно заметным на фоне крупных денежных «поминок», ежегодно отправляемых из Москвы к крымскому хану, что, по существу, выглядело политикой «задабривания врага». Такое положение, по всей видимости, не устраивало тайшей, а царское правительство считало, что компенсацией калмыкам могли бы послужить богатые трофеи, захваченные у крымских и ногайских улусов.

Но в дальнейшем переговоры приостановились из-за очередного башкирского набега, в результате которого калмыки потеряли 2 тыс. лошадей. Этот случай круто изменил тональность переговоров: стороны перешли к взаимным обвинениям и угрозам по «башкирскому» и «ногайскому» вопросам. Однако Мончак, решив не обострять ситуацию и посоветовавшись с приближенными людьми, вернул разговор к основной теме — организации совместного крымского похода. В результате стороны договорились, что Мончак и Дайчин пришлют

к Горохову своих доверенных лиц для подтверждения своих прежних обязательств. При этом Мончак недвусмысленно предупредил русского посла: в случае повторного башкирского набега он немедленно вернет калмыцкие войска с крымского направления и отправит их уже против башкир. Горохов заверил тайшей, что со своей стороны царское правительство предпримет все меры по недопущению в дальнейшем набегов на калмыцкие улусы и пришлет тайшам жалованье. Находившиеся в свите Горохова представители донского казачества также дали обязательство, что примут совместно с калмыками участие в предстоящем крымском походе.

8 июня 1661 г. к Горохову прибыла калмыцкая делегация из 30-ти человек, состоявшая из ближайшего окружения Дайчина и Мончака. Главными лицами здесь выступали Зоргучи-дархан, Дазан-кашка, Байскулан, Малай, Дай-дархан, Батур и другие. Зоргучи-дархан и Дазан-кашка, помолившись, «дали веру» в шертной записи за всех тайшей по калмыцкому обычаю, чтобы «идти войною ратным нашим людям нынешнего 169 году июня с 1 на 10 число на крымские улусы, и с крымским ханом в миру и в соединении нам не быть, а великого государя с людьми быть в вечном миру и в соединении и вспоможение русским людям везде чинить не оплошно».

14 июня состоялась очередная встреча Горохова и К. Черкасского с Мончаком, на которой обсуждались уже детали предстоящего крымского похода. Мончак заявил о готовности тайшей отправить на войну около 10 тыс. калмыков. На следующий день к русскому послу пришли представители Мончака и Солом-Церена и поименно назвали командный состав калмыцкого войска. 16 июня Мончак собственноручно подписал подготовленную Гороховым «шертную записку» и список ратных людей. Процедуру подписания шерти Мончак закончил словами: «Как де бумага склеена, так бы де калмыцким людем с русскими людьми вместе быть вечно».

Подробно изложив в своей работе миссию Горохова в калмыцкие улусы, П. С. Преображенская сделала ряд существенных замечаний. Во-первых, посольские заметки отражают характерные черты калмыцкого подданства: определенную свободу внешних сношений и полную самостоятельность во внутренних делах; во-вторых, шерть от

8 июня 1661 г. носила характер военного договора, реально указывая на вассальные отношения калмыцких тайшей с московским царем. Обращает на себя внимание и тот факт, что аманатство как рычаг воздействия на соблюдение договора уже не упоминается.

В августе 1661 г. в Москву прибыло калмыцкое посольство во главе с Зайсан-дарханом, Нанзаем, Зоргучи и Эрденем, а также 35 сопровождающими лицами. 5 августа калмыцких послов в Посольской палате принял царь Алексей Михайлович. Посланцы привезли от тайшей три письма. Поскольку в Посольском приказе на то время отсутствовали знатоки калмыцкого языка, то зачастую послы при помощи царских толмачей сами выступали в роли переводчиков письменных посланий тайшей. Первое письмо, написанное от лица Дайчина, Мончака и Манжи-Ялбо, было изложено на старописьменном татарском языке и в нем говорилось об успешном походе калмыков на Кубань и Крым.

В Посольском приказе калмыцкие послы снова жаловались на башкирские набеги, которые произошли уже после заключения русско-калмыцкого договора. В результате у калмыков было отогнано 100 лошадей и убито 15 человек, а башкиры сумели скрыться в Самаре. Дайчин в приступе гнева стал готовить ответные действия против башкирских волостей, но от такого шага его отговорил К. Черкасский.

После подписания июньской шерти военная служба калмыков стала носить более упорядоченный характер. 5 августа Дайчин, Мончак и Солом-Церен через своего посланца Зайсан-дархана официально уведомили казаков о заключении шерти с И. Гороховым и К. Черкасским. Данное событие весьма сильно встревожило жителей причерноморских степей. По сведениям пленных азовцев, крымские ногайцы настолько серьезно опасались прихода калмыков, что даже отказались от самой идеи набега на южнорусские земли.

21 июня Мончак по этому вопросу приезжал на стан к К. Черкасскому, сообщив, что 60 башкир совершили набег на подвластный ему ногайский улус, отогнав большое количество лошадей. Ввиду возникшей угрозы К. Черкасский немедленно отправил письмо к самарскому воеводе И. Языкову, чтобы тот задержал «воровских» башкир. Это в конечном итоге возымело действие, и уже в июле к Мончаку на Иргиз прибыли башкирские и уфимские посланцы с уведомлением,

что готовы вернуть калмыкам захваченное ранее имущество, если на то будет соответствующий царский указ.

По всей видимости, эти переговоры закончились ничем, так как в сентябре Г. Черкасский получил сообщение от И. Онучина, находившегося в это время в калмыцких улусах, что калмыки и ногайцы двинулись в ответный набег на Уфимский уезд, где они разорили, захватив полон, Усолинский городок, чувашские и черемисские деревни. Когда 27 сентября 1661 г. к тайшам приехали с жалованьем М. Греков и уздень И. Каржанов, чтобы забрать из улусов весь русский полон, то Мончак отказался выдать пленников только из Уфимского уезда. При этом он заверил, что никуда его не раздаст, пока не приедет из Москвы царский посланник, уполномоченный вести переговоры по «уфимскому делу».

В целом так и не решив калмыцко-башкирский конфликт, в крымском направлении стали выдвигаться лишь небольшие по численности калмыцкие отряды. Так, калмыцкий отряд в 500 человек во главе с Зан-кашкой совместно с русским отрядом, состоявшим из 3 тыс. казаков и 6 тыс. солдат, 1 августа, вступил в бой с неприятелем под Азовом. В результате азовцы потеряли убитыми 104 человека, а большая часть трофеев и 134 пленника достались калмыкам. Захваченный калмыками у азовцев русский полон Зан-кашка по просьбе казаков передал атаманам.

Новый импульс русско-калмыцким отношениям, особенно в вопросе организации нового крупного наступления калмыков в крымском направлении, был задан благодаря усилиям астраханского воеводы Г. Черкасского. Многие калмыцкие владельцы высоко отзывались о деятельности князя. 6 ноября 1661 г. в урочище Берекети (в 60 верстах от Астрахани) начался съезд с участием калмыцких, едисанских, джемболукских и малибашских правителей и военачальников. На нем присутствовали практически все калмыцкие тайши, кроме Манжи-Ялбо. В результате переговоров было принято решение: как установится лед на Волге, отправить калмыцкие отряды на Крым. Мончак, как глава всех калмыцких владельцев, дал клятву астраханскому воеводе за отца, сыновей, племянников и других тайшей и мирз в том, что будут «в вечном послушании и на государевой службе».

Организация такой встречи русскими властями стала шагом своевременным, поскольку незадолго до этого к тайшам, которые кочевали в районе между Черным Яром и Астраханью, прибыло очередное крымское посольство во главе с Текей-агой. Но на предложение Г. Черкасского о передаче крымцев в Астрахань, тайши ответили отказом.

В ноябре стрелецкий сотник Г. Голочолов в пяти верстах выше Царицына наблюдал улус Мазан-Батура, с которым он лично познакомился. По словам тайши, он также участвовал в русско-калмыцком съезде, на котором произошло знаменательное событие — сватовство племянницы князя Г. Черкасского — Обелханы (Абуханы) Муцаловны и сына Мончака — Аюки. Стороны договорились, что свадьбу сыграют после зимнего похода на Крым. Тогда же водным путем по Волге возвратились из Москвы калмыцкие послы с жалованьем для тайшей и высадились возле Черного Яра.

В результате русско-калмыцких переговоров 9 декабря 1661 г. Мончак подписал новый текст шерти, более конкретный по содержанию в сравнении с июньским договором. Отчетливо были сформулированы внешнеполитические обязательства тайшей: не иметь отношения с Турцией, Персией, Крымом, а также с бесленейцами и кумыками. Тайши также обязывались не помогать им оружием и лошадьми, не посылать им в помощь людей. Такие же обязательства давались и по отношению к другим «иноземцам», которые «великому государю не послушны».

По мнению В. И. Колесника, таким способом Мончак единолично замыкал на себе все контакты на высшем уровне с северным соседом, оттесняя отца и племянника от очень важного направления во внешней политике. После шертей 1661 г. правительство целых 12 лет не требовало от калмыцких тайшей их подтверждения, что свидетельствует о достаточно твердой уверенности в военной службе калмыков.

Заключение русско-калмыцкого договора о военно-политическом сотрудничестве имело большой резонанс не только в северокавказском регионе, но и далеко за его пределами. Сведения об этом союзе дошли и до Османской империи, традиционно внимательно следившей за ситуацией в регионе. Для подтверждения этой информации султан даже отправил письменный запрос крымскому хану, и тот подтвердил.

3. Русско-калмыцкие отношения в 1662–1672 гг. Политический кризис на юге России.

В феврале 1662 г. в Астрахань прибыла группа казацких представителей: донские казаки В. Гладков и С. Разин, запорожский казак Е. Тимофеев и другие. Перед ними стояла конкретная задача — агитировать калмыцких тайшей за продолжение совместной борьбы против Крыма. Но в это время Дайчин, как оказалось, со своими войсками уже двинулся за Яик против чакарцев, а Мончак следовал за отцом. На этом основании тайши объяснили властям, что лично не смогут участвовать в крымской кампании. Но Мончак, следуя договоренностям, все-таки выделил в крымский поход отряд в 500 калмыков под командованием Каракучи.

Еще одним условием своего личного участия в крымской кампании Мончак выдвигал обязательное участие в ней и астраханского воеводы Г. Черкасского. Но в Москве были против подобного предложения и власти указали прибыть из Астрахани в Царицын — центр командования войсками на южном направлении — К. Черкасскому, думному дворянину З. Левонтьеву и дьяку А. Ташлыкову. Г. Черкасскому указывалось оставаться в Астрахани.

Декабрьскую шерть 1661 г. Мончак уже единолично давал за весь калмыцкий народ. Такое положение ему обеспечивало настроение большинства народных масс и калмыцкой элиты. В 1662 г. Мончак захватил Манжи-Ялбо, а его улус присоединил к себе. Последние сведения из архивных материалов дают нам вполне конкретную картину и время этих событий.

Из сообщения Солом-Церена, поступившего Г. Черкасскому, стало известно о попытке Дайчина в начале января 1663 г. организовать наступление против Астрахани и Мончака. Однако, узнав о свадьбе

своего внука Аюки, он отменил поход. Очевидно, что этот брак выдавал особый характер отношений Мончака с Москвой, и отныне борьба против усиления его позиций без всякого сомнения расценивалась как противодействие внешнеполитическому курсу, ориентированному на партнерство с Московским государством.

Действия Мончака против Манжи-Ялбо можно рассматривать не только как ревностное соблюдение им заключенных русско-калмыцких договоров, но и как желание в будущем привести к власти своего старшего сына Аюку. Брак его сына и племянницы князя Черкасского был еще одним дополнительным козырем в укреплении власти Мончака в калмыцком обществе, поскольку поддержка Москвы имела также ключевое значение.

Летом 1663 г. в Сарпинских песках состоялась очередная встреча воеводы Г. Черкасского с Мончаком. На ней также присутствовали представители хошутского Кунделен-Убаши и его сына Доржи, которые пожелали, как и Мончак, принять русское подданство и отправить свои военные отряды на Крым. По мнению М. Л. Кичикова, так дербето-хошутская группировка Кунделен-Убаши вошла в состав Калмыцкого ханства, признав над собой верховную власть Мончака и Москвы.

Дальнейшую судьбу Манжи-Ялбо в русских документах обнаружить не удалось. Но из путевых записок одного из представителей голландского посольства, Н. Витсена, сделанных в начале 1665 г., становится известно, что молодого тайшу из Астрахани перевезли в Москву. По всей вероятности, Манжи-Ялбо, находясь в московской ссылке, в конечном итоге вынужден был закончить свою жизнь на чужбине.

В результате кратковременной борьбы власть в правящей семье относительно бескровно перешла от династической линии Даян-Эрке в лице Манжи-Ялбо к линии Мончака, который был только третьим по старшинству сыном Дайчина. Но благодаря умелым политическим действиям он сумел закрепить за собой первенствующее положение в торгутском доме и обеспечить условия для прихода к власти в будущем старшего сына Аюки. Обстановка, сложившаяся в начале 1660-х гг. в калмыцком обществе, отчетливо показала смену поли-

тических лидеров и расклад сил, определявших выбор центральной фигуры, а значит, и дальнейшую историю волжских калмыков.

В начале 1660-х гг. Московское государство переживало серьезный экономический кризис. Для ведения войн с Польшей и Швецией на содержание армии требовались огромные средства. Отток из страны большого количества золота и серебра, главным образом вследствие особых льгот, предоставлявшихся Россией иностранным купцам, неудачная денежная реформа (введение в оборот медных денег) и неурожай 1660 и 1661 гг. привели к высокому уровню инфляции. Стремясь всеми доступными средствами увеличить доходы государства, правительство попыталось расширить и ужесточить сбор податей с ясачных народов, что, конечно, вызвало их недовольство. Башкиры также выражали недовольство захватами земель многочисленными русскими крестьянами со Средней Волги и Нижнего Прикамья, бежавшими от крепостнических порядков. Массовое насильственное изъятие пленных калмыков, сопровождавшееся притеснениями со стороны местных чиновников, также было главной причиной восстания.

Участие Дайчина в башкирском восстании определить сложно. С одной стороны, неуступчивость русских властей в вопросе о выдаче Манжи-Ялбо подталкивала его к ответным агрессивным действиям, и башкиры в этом плане могли ему помочь. С другой — решительный разрыв отношений с Москвой окончательно лишил его поддержки основной массой калмыцкого народа. По всей видимости, тайша не желал открыто проявлять свое участие в башкирском восстании, хотя сочувствовал повстанцам и тайно им покровительствовал. Отступив от Мензелинска, калмыки отправили сюда посланца, требуя возвращения внука Дайчина — Манжи-Ялбо, находившегося под арестом в Астрахани. В случае выполнения этого условия Дайчин обещал отказать башкирским повстанцам в поддержке и выдать беглецов. Однако его условие не было принято, и люди Дайчина продолжали поддерживать участников башкирского восстания.

Очевидно, что калмыцкие тайши не имели единой линии поведения в отношении башкирского восстания. Большинство из них продолжало придерживаться курса на сближение с Россией и сообщало

властям о действиях враждебно настроенной к правительству группы тайшей. Так, в январе 1663 г. Солом-Церен жаловался Г. Черкасскому в Царицын на своего сводного брата Аючея, называя его своим «недругом», который принимал к себе башкирских повстанцев. Более того, дербетский тайша предлагал князю организовать совместный карательный поход против брата.

В дополнение к мерам военного режима, введенного в Башкирии, правительство попыталось устранить и причины беспорядков. Были приняты меры по облегчению бремени повинностей для местного населения, ограничению захватов земель и наведению порядка в хозяйственной деятельности местных чиновников. Даже среди тех, кто примкнул к восставшим, существовали значительные расхождения во взглядах. Многие повстанцы на собраниях башкирского народа неоднократно высказывались за установление мира с правительством. Башкиры также официально добились от властей отмены указа о возврате пленных калмыков. Таким образом, несмотря на малочисленность находящихся здесь войск, царское правительство, умело играя на межнациональной неприязни и используя внутренние раздоры в повстанческом руководстве, смогло в 1664 г. окончательно подавить башкирское восстание.

Отношение калмыков к башкирскому восстанию 1662–1664 гг. было довольно противоречивым. Одни из них приняли сторону башкир, другие продолжали оставаться союзниками правительства. В Москве полагали, что эти два народа вряд ли когда смогут договориться между собой о совместных действиях, если вспомнить историю их непростых взаимоотношений. Однако неудачное развитие восстания заставило часть башкир рассматривать уход к калмыкам как один из возможных вариантов развития ситуации, и они не раз обращались к тайшам за помощью. Калмыки не принимали непосредственного участия в башкирском восстании, но отдельные тайши пытались использовать ситуацию в своих личных целях — присоединить себе новых подданных или поставить перед правительством ряд политических условий. Как видим, в указанный период основная масса калмыцкого народа, включая и национальную элиту, оставалась практически нейтральной к национальным движениям в России.

Как упоминалось выше, сражения 1658–1661 гг. в ходе продолжающейся русско-польской войны крайне истощили ресурсы обеих сторон. В 1662 г. Россия и Польша накапливали силы, ожидая благоприятного момента, чтобы переломить военно-политическую ситуацию в свою пользу. На южном направлении война калмыков с Крымом превратилась в череду мелких набегов.

В целях укрепления прежних договоренностей, 27 октября 1662 г. под Царицыном состоялся очередной русско-калмыцкий съезд, где князь Г. Черкасский с племянником Каспулатом лично встретился с тайшами. С калмыцкой стороны в мероприятии участвовали только сторонники Мончака, среди которых были такие тайши, как Солом-Церен, Дугар, Лобачи, Батур и Бок. Стороны договорились об отправке новых калмыцких отрядов на Крым. Поскольку намечался совместный поход, то Мончак поставил условие, чтобы все стрельцы были конными, объясняя это тем, что у калмыков «поход скорой и лошадей у них много», и чтобы русские «на степи не отставали».

Тайши отказались от практики использования крупных воинских соединений, как это было в прошлых годах, а ограничились немногочисленными отрядами, которые действовали по всей степной части Северного Причерноморья. Возможно, такую тактику действий против крымцев калмыкам порекомендовал воевода Г. Черкасский.

В марте 1663 г. в Царицын прибыли люди Мончака и представили князю Г. Черкасскому своего рода отчет о «зимней кампании» под Перекопом. Всего они захватили у крымцев: в первом походе — 200 лошадей, 60 коров, 3 тыс. баранов и 10 «ясырей»; во втором — 200 лошадей и 6 польских «ясырей»; в третьем — 300 лошадей и 20 «ясырей».

С началом весны 1663 г. князь Г. Черкасский отдал приказ Мончаку, Солом-Церену, Дугару и другим тайшам об отправке дополнительных отрядов на Крым. Мончак вскоре действительно отправил отряды под командой База-Батура, Усман-Батура и Сахан-Кашки. Солом-Церен также отрядил команды под началом Зан-Кашки, Басу, Мерген-Кошучи. Активное участие калмыков в новой крымской кампании было вызвано еще и тем обстоятельством, что зима 1662/63 года

выдалась чрезвычайно холодной. Начался массовый падеж скота и лошадей, что привело к голоду в калмыцких улусах. Поэтому калмыки остро нуждались как в военных трофеях, так и в дополнительном царском жаловании за службу.

Калмыки просили у гетмана И. Брюховецкого разрешение приехать в Москву, чтобы известить о военных успехах, достигнутых ими на Украине и под Крымом. Весьма любопытны личные впечатления гетмана о калмыках, изложенные им в письме к государю в мае 1663 г.: «хотя люди некрещенные и в поступках своих с христианы не сообщники, но желательством своим к вашему царскому пресветлому величеству лутчие от изменников поставляютца; а нам таковых и потребно лихого недобрым казнити, пусть нечистый с поганым бьетца, дабы чистым и законным пространство от безбожных было, а отчина вашего царского пресветлого величества Русская земля в покое и в целости пребывала».

Угроза, возникшая для донских городков, и нехватка вооруженных сил побудили полковника Г. Косагова отправить своих людей к калмыцким тайшам с очередной просьбой об оказании военной помощи. В июне 1664 г. по приказу гетмана И. Брюховецкого объединенный отряд Серко, Косагова и калмыков выдвинулся из Канева на правобережную Украину. В 25-ти верстах от Корсуни они разбили крымское войско, шедшее на соединение к С. Чарнецкому. Затем они двинулись на Умань, на помощь поднестривским городкам, перешедшим на сторону России. За Уманью разбили еще один крымский отряд, идущий также к Чарнецкому, и «салтанова сына взяли». Еще один бой произошел в Сарачинском лесу, где были убиты 100 татар и поляков.

В августе 1664 г. калмыки покидали Украину и возвращались в свои улусы, обещая, что «они и впредь великому государю служить с Серком ради» и вернуться следующим летом. К Мончаку от Г. Черкасского были отправлены за военной помощью стрелецкие сотники М. Сурин и Г. Голочелов. В этом же году тайша Мончак выделил для русской армии 3 тыс. воинов под командованием Маничар-Дайчи. Причем одна половина отправилась в новый крымский поход с Г. Черкасским, а другая ушла к гетману Брюховецкому.

Но уже осенью 1664 г. 2-тысячное калмыцкое войско под командой Ишкепа и Батура прибыло на Бузулук. Тайши сообщали в Москву, что во главе этого войска отправились самые лучшие командиры, поэтому в ноябре к гетману Брюховецкому поступило указание «тех калмыцких людей покоить, чтоб им ни в каких запасах скудости не было» и всячески стремиться к тому, чтобы их оставить зимовать на Украине.

Результаты службы калмыцких воинов на Украине не заставили долго себя ждать. 21 мая 1665 г. в 10 верстах от г. Белая Церковь калмыки, предварительно окружив лагерь поляков и немцев-наемников, полностью его разбили, уничтожив около тысячи человек. Победителям досталось немало трофеев: кони, одежда, панцири, сбруи, копы гусарские и другие вещи. Польский военачальник Яблонский, потеряв множество своих людей, в страхе перед калмыками ушел в Польшу. Это была первая крупная победа калмыков над регулярной польской армией, которую по достоинству оценили многие военные специалисты в России. Белая Церковь — важнейший стратегический пункт в центре Правобережной Украины. Крепость стояла на пересечении торговых путей, а обладание ею давало возможность контролировать положение во всем междуречье Днестра и Южного Буга. После таких громких побед спрос на военную службу калмыков в русской армии резко возрос. По одним данным, у гетмана Брюховецкого насчитывалось 7 тыс. калмыков, а всего на Украине сражались около 10 тыс. калмыцких воинов. Именно они и совершили новый поход под Перекоп, разбили 10 тыс. татар и «добычу себе многую учинили».

Активное участие калмыков в крымской кампании Москва оценила по достоинству. Выражением доверия и признанием заслуг в военной службе Русскому государству явилась отправка в июне 1664 г. казанца А. Нармацкого к тайшам с жалованьем. Тайше Мончаку он привез военное знамя. По мнению П. С. Преображенской, это свидетельствует о том, что Москва теперь считала калмыцкое войско неотъемлемой составной частью русской армии.

В поступившем в Посольский приказ царском указе о новом оформлении грамот, направляемых к тайшам, имена Дайчина и Мон-

чака предписывалось обозначать золотыми буквами. Это подтверждают и сведения Г. Котошихина, отмечавшего еще в середине XVII в., что в царских письмах имена и титулы калмыцких тайшей пишутся «... золотом все, на меньшей Александрийской бумаге, Татарским же письмом, без трав». Такой чести, как правило, удостаивались правители иностранных государств, например, крымский хан. Контакты с калмыцкими правителями мало чем отличались от дипломатических сношений с зарубежными государствами, а на посольских приемах и других мероприятиях дипломатического характера калмыцкие правители приравнивались к крымским ханам.

Летом 1664 г. российское правительство официально признало Мончака верховным правителем волжских калмыков, наделив соответствующими символами власти — булавой и знаменем. Именно в этом году отмечался всплеск активности дипломатических контактов между Москвой и калмыцкими тайшами. Например, 13 августа в Москву прибывает посольство Кулачи-дархана и Путарыка (кабардинский уздень К. Черкасского). В сентябре сюда же прибыло очередное калмыцкое посольство во главе с Айдарукой Мурзаевым, который привез довольно интересные сведения.

Осенью 1664 г. наблюдалась активизация калмыков и на Северном Кавказе. В октябре Мончаку и К. Черкасскому из Москвы поступил указ предотвратить попытки крымцев и малых ногаев построить крепость в междуречье Кубани и Инжика. Укрепление крымцев в этом регионе не входило в планы не только русского командования, но и тайшей, поскольку, как говорили калмыцкие послы, «калмыкам де тот городок гораздо грубен». Мончак через К. Черкасского просил об оказании военной помощи у астраханских воевод, в частности, о предоставлении артиллерии, так как «без огненного бою города не взять». Воевода Я. Н. Одоевский выразил готовность помочь калмыкам. Желание принять участие в этом походе изъявил и Дайчин, у которого отношения с Мончаком в это время стали налаживаться. Отряды калмыцких тайшей, а также К. Черкасского подошли к верховьям Кумы, где ожидали подхода астраханцев с артиллерией. Прождав их более месяца, но, так и не дождавшись, калмыки отправили в Астрахань гонца с запросом. Однако местные воеводы отказались от сов-

местного участия в походе. Ранняя оттепель и начавшееся половодье вынудили тайшей отменить военный поход и вернуться в улусы.

Нерешительность, интриги или предательство побудили астраханских воевод так действовать, неизвестно. Однако очевидно, что уход с воеводства в Астрахани и Царицыне Г. Черкасского повлек за собой ослабление активности русско-калмыцких отношений. Единственным, кто продолжал поддерживать с калмыцкими тайшами тесные отношения, оставался терский воевода К. Черкасский. Мончак через своих послов в Москве сообщил о преступном бездействии и инертности астраханских воевод, и 20 марта 1665 г. воеводам в Астрахань поступило строгое указание о немедленной отправке отряда с пушками во главе с С. Беклемишевым совместно с донскими казаками и терцами против крымского городка. В апреле Мончак сообщал в Царицын, что ближайшим летом начнет новую военную кампанию, при этом на Кубань против Малого Ногая им уже было отправлено 3 тыс. воинов, в Запорожье — 500, на Дон — 300 и на Терек к К. Черкасскому — 150 воинов.

12 февраля 1665 г. в Москву от Мончака прибыло посольство во главе с Каичю. Калмыцкие послы представили довольно смелый проект действий в новой крымской кампании, запланированной на ближайшие весну и лето. Проект заключался в наступлении крупных русско-калмыцких воинских сил на Кубань, уничтожении в этом регионе крымской крепости с целью переселения сюда калмыцких улусов. В дальнейшем предполагалось уже совместное с новоприбывшими дербетами и хошутами, а также казаками и русскими, движение войск на Крым.

Другими словами, тайши вынашивали планы по уничтожению или подчинению Крымского ханства, занятию татарских земель в Причерноморье. А свои кочевья в Северном Прикаспии освободить для новоприбывших хошутов и дербетов. Действительно, это был очень смелый план, который мог существенно изменить политическую карту Северного Причерноморья и Северного Кавказа. Ранее в Москве рассматривалась возможность перемещения калмыцких улусов в Причерноморье, на земли Крымского ханства. Мончак предлагал русскому царю строить отношения «по чести», что должно

было, как считал тайша, утратить крымского хана — единственного врага калмыков.

Но осуществлению этого плана мешал ряд неурегулированных вопросов в русско-калмыцких отношениях. Во-первых, калмыцкие послы в Москве жаловались на астраханских, черноморских и саратовских воевод, отказывавшихся перевозить через Волгу калмыцких воинов, возвращающихся из крымских походов. К тому же Астрахань, Черный Яр и других волжские города не возвращали калмыкам захваченный ими под Крымом, но бежавший из калмыцких улусов ясырь (поляков, литовцев, мадяров и др.), не обеспечивали должным питанием людей Мончака приезжавших по делам тайши к воеводам. Еще в 1663 г. Г. Черкасский жаловался в Москву об обидах, нанесенных калмыцким торговцам в Саратове и Самаре, об игнорировании местными воеводами приказов самого князя. Москва немедленно отреагировала, строго указав всем волжским воеводам возвращать калмыкам беглый их ясырь и всячески оказывать им всемерное содействие.

Во-вторых, для очередного похода на Крым послы просили в помощь 2 тыс. русских конных воинов, запасы и жалованье. При этом Мончак указывал, что царского жалованья присылать нужно не всем тайшам и не в одинаковом размере, поскольку в крымской кампании они участвовали не все. В 1664 г. Мончак сетовал, что царские власти жалованье его братьям посылают «мимо» него. На этом основании Мончак предлагал жалованье присылать только ему, а он бы уже распределял его среди тайшей соответственно их заслугам. В Москве приняли его предложение.

В-третьих, Мончак всячески пытался дистанцировать своих калмыков от башкирского восстания. Вместе с К. Черкасским они отправили к дербетскому тайше Аючею гонца с приказом немедленно выслать из улуса всех башкирских повстанцев и присоединиться к Мончаку. Правительство также поддержало эту инициативу.

В-четвертых, послы ходатайствовали о том, чтобы ведал «Калмыцкими делами» боярин Г. Черкасский. Но, как оказалось, на этой должности уже находился другой «ближний» боярин — Ю.А. Долго-рукий. Удивительно, но ведавший калмыцким направлением поручили человеку, ничего не знавшему о калмыках, равно как и они о нем.

По всей видимости, решение кадрового вопроса при царе зависело от степени приближенности к нему того или иного боярина. Очевидно, что князь Г. Черкасский в это время оказался в царской немилости и, отойдя на второй план, лишился своих ключевых постов в Астрахани и Царицыне. Возможно, это было следствием провальной операции по освобождению в 1664 г. из крымского плена боярина В. Б. Шереметева, инициированной Алексеем Михайловичем и руководимой Г. Черкасским.

Еще одним неурегулированным вопросом в русско-калмыцких отношениях оставался обмен пленными. Несмотря на то, что царь приказал взять у послов поименный список калмыцких пленников, находившихся в русских городах и, срочно разыскав, вернуть, сделать это было весьма сложно. Например, большинство пленных калмыков, проживавших в Москве, были уже обращены в православную веру. На тот момент существовал особый царский указ о запрете передавать православных калмыков их же собратьям. Послы знали о существовании подобного указа и поэтому просили от царских властей личной встречи с каждым из новокрещеных калмыков, чтобы убедиться в добровольности принятия ими новой веры.

Именно все вышеперечисленные обстоятельства мешали полноценному развитию русско-калмыцких отношений, особенно в условиях продолжавшейся войны, когда требовалась консолидация общих усилий. Как видим, противники сближения были как с русской, так и с калмыцкой стороны. Все эти факты были им на руку, и они всячески использовали их во внутривосточной борьбе.

Довольно интересные сведения о калмыцком посольстве в Москве сохранились и в европейских источниках. Например, 4 марта 1665 г., в столице калмыцких послов с любопытством наблюдали представители голландского посольства. Вот как описал калмыков в своем дневнике Н. Витсен: «... на прием к великому царю пришли калмыки..., у них самостоятельный князь. Говорят, они приезжают сюда, чтобы предложить свои услуги царю от имени их князя Тайчжи Мончака. Этот Тайчжи женат на черкесской татарке, племяннице Григория Синсилевича, царевича черкесов, теперь он князь; через этот брак черкесский князь пытается добиться тесной связи с Россией».

В декабре 1665 г. отряд из 80 калмыков, отправленный в ноябре Мончаком на помощь войсковому атаману М. Самаренину и воеводе И. Хвостову, участвовал в бою под Азовом. Несмотря на численное превосходство, азовский паша потерпел поражение. С началом весны следующего года Мончак планировал направиться войною на крымского хана.

Зимой 1666/67 года улус Солом-Церена кочевал отдельно от основной массы калмыков между Доном и Донцом, откуда под Перекоп он продолжал отправлять отряды в набег. Так, осенью 1666 г. калмыки пришли из-под Крыма на Дон с богатыми трофеями, обменивали у казаков захваченных лошадей на «киндяки» и «зипуны».

В заслугу за военную службу денежное жалованье из Москвы к тайшам теперь поступало регулярно. Например, перед заключением Андрусовского перемирия поляки запросили у российской стороны огромную контрибуцию. Однако главный российский переговорщик А. Л. Ордин-Нащокин ответил отказом, сославшись на будто бы большие расходы, вызванные отправкой правительством денег калмыкам, «чтоб они теснили Крымский юрт и не пускали хана на Польшу». На самом деле это была дипломатическая уловка с целью отказать полякам в выплате контрибуции: размеры годового денежного жалования тайшам, как показывают документы, отнюдь не были большими. Но условия политического соглашения с Москвой вполне устраивали калмыцкую правящую верхушку, которая небольшое по размеру жалованье во многом компенсировала за счет беспошлинной торговли с русскими городами, обеспечения относительной безопасности калмыцких кочевий и получения трофеев в ходе военных набегов на территории Северного Кавказа и Крымского ханства.

В результате Андрусовского перемирия 1667 г. между Россией и Польшей произошло разделение Украины по Днепру — на Левобережную и Правобережную. Общественные настроения украинского населения носили как антироссийский, так и антипольский характер. В 1668 г. атаман Серко перешел на сторону Дорошенко, «воевал» украинские города, идя «против бояр и воевод», в то же время не переставал тревожить своими набегами и крымцев. В октябре крымский пленник Криштоф Турач сообщал в Киеве, что Серко с донцами,

запорожцами и калмыками четырежды приходил на Крым. Во время третьего похода они разбили 3 тыс. и пленили 500 крымцев, а в четвертом — дошли до Бахчисарая.

15 августа 1669 г. в Москву прибыло посольство от Мончака. Посол Манхадан жаловался царю на донских казаков, он требовал вернуть захваченных казаками у калмыков в устье Хопра трофейных 40 отборных лошадей, саадаки, сабли, шубы и «всякую рухлядь». Донской атаман Я. Веневитинов в Москве объяснял властям, что уполномоченные люди уже отправлены в «верхние» городки «для сыску» тех калмыцких лошадей и вещей, а также наказания виновных. Калмыцкие тайши обращались в Москву с предложением совершить поход на левобережье Днепра против изменника гетмана И. Брюховецкого, но получили строгое указание без приказа с войсками не выдвигаться на Украину. Правительство беспокоилось за целостность православных храмов и безопасность людей в этом регионе.

В 1667 г. в России разгорелся пожар очередной крестьянской войны. На Дону появился новый вождь, способный начать восстание, — Степан Тимофеевич Разин. Разин принадлежал к состоятельной, «домовитой» казачьей семье. Правительство Войска Донского часто доверяло ему дипломатические и военные миссии. Известно, что в 1660 г. Разин входил в донскую делегацию царского посольства к калмыкам. Два года спустя он вместе с другим представителем снова вел переговоры с калмыками о военном сотрудничестве против крымских татар. В 1663 г. Разин командовал отрядом донских казаков, который при поддержке калмыков и запорожцев воевал с татарами.

Что же касается калмыков, то документы свидетельствуют, что они остались верны договоренностям с правительством и даже попытались подавить выступление казаков на начальном его этапе. Еще в июне 1667 г. Дайчину из Москвы пришла грамота, в которой ему указывалось принять все меры предосторожности и противодействия повстанцам. Уже в августе Солом-Церен с отрядом в 600 человек вместе с сотней царицынских стрельцов преградил путь 800 донским казакам под командой атаманов П. Перевошикова и Н. Чертка (дяди С. Разина), которые шли на соединение с Разиным. В результате боя

с калмыками казаки отступили. В начале 1668 г. 10-тысячное калмыцкое войско под началом Дайчина и Мончака с суши блокировало Яицкий городок. В ходе приступов калмыки пробили крепостную стену на полторы сажени, а устье Яика попытались «заметать хрящем». Казакам удалось отбить все калмыцкие атаки, но в результате они оказались в осадном положении.

С весенним половодьем 23 марта 1668 г. Разину со своими сторонниками все же удалось покинуть осажденный калмыками городок и уйти вниз по Яику в Каспийское море. Весной 1669 г. Разин разорил туркменские владения на восточном побережье Каспия, а затем разбил шахский флот под командованием персидского адмирала Манади-хана. Поскитавшись по чужбине, казаки решили, что пора им возвращаться домой. Весной 1670 г. Разин с соратниками появился в Черкасске, где несколько дней правил единовластно. Оттуда он отправился вверх по Дону в Паншин городок, где к нему присоединился В. Ус со своими людьми. Под командованием Разина уже находилось примерно 7 тыс. казаков.

Стратегический план Разина предусматривал превращение Волги в основную линию его военных операций. Захватив Царицын, он перекрыл связь между Москвой и Астраханью. Московское правительство отправило к Царицыну отряд в тысячу стрельцов, в то же время воевода С. И. Львов вышел к Царицыну из Астрахани с отрядом в 2500 стрельцов. На соединение с ним с севера вдоль Волги двигались калмыки Аюки. Но как только лодки Разина 4 июня 1670 г. подошли к Черному Яру, где стояло войско князя Львова, астраханские стрельцы перешли на сторону повстанцев. Казаки жестоко расправились со стрелецкими командирами, а рядовых приняли в свою «армию». Воевода Астрахани князь Прозоровский готовился к обороне города от приближавшихся повстанцев, но не надеялся удержать его, так как верность стрельцов не внушала доверия, а вспомогательные отряды калмыков и черкесов были малочисленны. Мятежники 24 июня подошли к Астрахани, и уже после двух дней осады стрельцы и посадские люди перешли на сторону Разина. Некоторых сторонников Прозоровского убили, а его самого казаки сбросили с крепостного вала. После этого в городе начался всеобщий грабеж. Разин установил ка-

зацкую форму правления, а Аманатный двор распустил. Группа калмыков, кочевавшая возле Астрахани, предпочла отойти от города.

15 июля 1670 г. в Саратов от дербетского Солом-Церена в прибыли посланцы Чекулат и Кажамгур. Они сообщили, что по государеву указу Аюка и Батур с 20-тысячным войском двинулись на повстанцев Разина. Солом-Церен отрядил с ними 1,5 тыс. своих людей под командованием старшего сына Даши. Последний отправил 400 человек под мятежный Царицын для отгона скота и лошадей. Дербеты практически полностью блокировали город, захваченный повстанцами, отогнав у его жителей большое количество скота и лошадей. По другим данным, у Даши было 2 тыс. человек, и он стоял со своими людьми на заставе между Царицыным и Паншиным городком с целью не пропустить казаков, направлявшихся с Дона на Волгу на соединение с Разиным. С этой задачей (видимо, поставленной Аюкой) дербеты успешно справились. Но они действовали до тех пор, пока 7 июля здесь не появилось 4-тысячное войско мятежных тайшей Дугара и Бока (совместно с азовцами и крымцами), направлявшееся по левобережью Дона в набег на южные окраины России. В результате неравного боя в районе между Царицыным и Пятиизбенской дербетская застава была полностью разбита, погибли Даши и полторы тысячи его людей. Остальные смогли уйти через Волгу к реке Камышинка и вернуться к Солом-Церену.

Дугар и Бок, видимо, тоже понесли серьезные потери, так как им пришлось отменить свой дальнейший набег и вернуться под Азов. По сведениям воронежского воеводы Бориса Бухвостова, люди этих тайшей полностью перекрыли дорогу с Дона на Царицын, убивали казаков и угоняли у них скот и лошадей. Калмыки и ногаи мятежных тайшей совершили нападение на казачьи селения по Хопру, Чиру и Медведице в отместку за недавний разгром их же улусов людьми Разина. Атаманы отправляли посланцев к Дугару и Боку с предложением мира, но получили отказ.

В июле 1670 г. Аюка со своим войском находился на левобережье Волги, в 60 верстах ниже Черного Яра. Здесь состоялась его встреча со стрелецким сотником Г. Ломакиным. Аюка сообщил ему об измене астраханского отряда, на соединение с которым шли калмыки,

чтобы вместе ударить по повстанцам. Переход астраханских стрельцов на сторону Разина фактически оставил калмыков один на один с повстанцами. Аюка просил Ломакина передать в Москву просьбу о присылке новых войсковых подкреплений, место общего сбора определив урочище Ураков Караул в 20 верстах выше реки Камышинка. Тайша еще раз заверил, что «вопче с твоими великого государя ратными людьми служить и радеть и над богоотступным вором, над Стенькою Разиным, всякими промыслы промышлять рад».

Пробыв в Астрахани примерно четыре недели, 20 июля 1670 г. Разин отправился вверх по Волге. По дороге от Астрахани до Царицына 10-тысячное войско Разина приняло участие в грабеже населения калмыцких и едисанских улусов. Разин, без труда овладев Саратовом и Самарой, подошел к Симбирску. Последовавшая битва с правительственными войсками не принесла весомых результатов, но посадские люди Симбирска впустили повстанцев в город. Получив подкрепление в конце сентября 1670 г., князь Барятинский 1 октября нанес сокрушительное поражение Разину под Симбирском. Повстанцы планировали закрепиться в Самаре, однако горожане в город их уже не впустили. Разин пытался призвать на помощь калмыков, чтобы в дальнейшем с ними двинуться степью вверх по Волге, но тайши ему отказали. Разин предпринял безуспешную попытку захватить Черкасск и отступил к Кагальнику. 14 апреля верные атаману Яковлеву казаки штурмом взяли Кагальник. Разина арестовали и выдали Москве, где 6 июня он был казнен.

Калмыцкое общество, как и в целом Российским государство, на рубеже 1660-х–1670-х гг. переживало внутренний политический кризис. Русские и калмыцкие источники весьма скупо освещают события того периода, которые заметно повлияли на дальнейшую расстановку сил в ойратском обществе.

Начало этого политического кризиса зародилось далеко на востоке. Потерпев поражение в борьбе за верховенство в хошутском доме, Аблай со своим улусом откочевал вслед за дядей Кунделен-Убаши со Среднего Прииртышья в западном направлении. Перед Аблаем, видимо, стояла определенная задача — захватить кочевья и подчинить волжских калмыков. Чакарских калмыков, как известно, еще

с 1630-х гг. привлекали прикаспийские степи, а также многочисленные ногайские улусы, подчинявшиеся торгутским тайшам. Сведения о вспыхнувшем на юге России восстании С. Разина, вероятно, дали Аблаю основание считать, что российское правительство, занятое своими внутренними проблемами, не будет активно вмешиваться в калмыцкие дела.

Смерть Мончака, по всей вероятности, произошла в результате именно этих событий, но подробных сведений о том, при каких обстоятельствах это случилось, к сожалению, ни в русских, ни в калмыцких источниках нет. По сведениям П. С. Палласа, Аблай захватил в плен Мончака в районе яицких степей. Погиб ли Мончак в бою или уже в плену и имел ли к этому отношение Аблай — неизвестно. Но очевидно одно — при живом предводителе волжских калмыков хошутскому правителю не удалось бы прийти к власти.

Поскольку в это время основные силы волжских калмыков под командованием Аюки и Солом-Церена находились в военном походе против ногайского Ямгурчи-мирзы, который незадолго до этого увел к себе на Кубань значительное число калмыцких ногаев, создалась ситуация, при которой вторгшиеся на территорию волжских калмыков хошуты и дербеты «Дайчина со всеми улусы загнали к себе без бою». Узнав о приходе войска Аблая, Аюка срочно привел все свои военные силы к Волге, где ожидал прихода хошутского войска, видимо, для решающего сражения. Но там Аблай так и не появился, Аюке и Солом-Церену пришлось увести свои улусы в степи Придонья, в район рек Иловля и Юла. Юмай-дархан от имени Аюки просил правительство оказать военную помощь против Аблая.

Аблай со своей стороны также предпринял энергичные дипломатические шаги, когда прислал в Москву уже своего посла с письменным извещением о том, что он с сыном Цаганом и Эрке-ламой захватил улусы Дайчина и Назар-Мамута, а Аюка якобы «с малыми людьми» бежал на правый берег Волги. С позиции победителя хошутский тайша требовал жалованье, ранее выдаваемое Дайчину и Мончаку, теперь присылать из Москвы только ему, поскольку отныне он стал кочевать на торгутских землях. Стоит отметить, что послы Аюки и Аблая одновременно находились в Москве и вели друг против друга

закулисную борьбу за право заручиться поддержкой царского правительства в пользу своих владельцев. О примирении сторон, на чем настаивала Москва, не могло быть и речи, поскольку в Северном Прикаспии происходила постепенный переход власти от торгутского правящего дома к хошутскому.

После подавления правительственными войсками восстания Разина калмыцкие тайши попытались урегулировать свои сильно подорванные отношения с донскими казаками. Весной 1671 г. Аюка с улусами кочевал в районе казачьего городка Курман Яр, откуда дважды присылал к атаманам своих представителей. В результате последовавших переговоров стороны заключили шерть, подтвердив прежние договоренности.

Царское правительство, занятое подавлением последних очагов восстания на юге России, не могло в полной мере вмешаться во внутрикалмыцкие дела. В январе 1672 г. из Москвы через Эрке-ламу тайше Аблаю и его сыну Чагану был прислан письменный ответ, в котором, в частности, сообщалось: «Ведомо великому государю его царскому величеству учинилось, что Аблая тайши сын, Чаган, идет войною на подданных его царского величества на калмыцких на Аюкая, и на Солом Сереня, и на иных тайшей, а те тайши великому государю его царскому величеству служат и во всем его государское повеленье исполняют и кочуют под его государскою самодержавною рукою. И они б, Аблай и сын ево Чаган тайши, на подданных царского величества на калмыцких Аюкая и на Солом Сереня, и на иных тайшей войною не ходили и жили б с ними в миру и в совете».

Далее хошутским тайшам предлагалось со своими войсками совместно с Аюкой отправиться на войну против крымского хана, который, по сведениям царского правительства, вышел с полуострова и находился с армией на Кубани. Примерно такой же царский ответ был доставлен и Аюке. О реакции послов Аюки на подобное предложение ничего не известно, но посол Аблая согласился с мирной инициативой Москвы.

В отдельной инструкции, отправленной на имя только что назначенного в Астрахань воеводой князя Я. Н. Одоевского указывалось, что если Аблай и дальше будет упорствовать и выдвигать требования

по территориальному вопросу, то всячески его убеждать, чтобы кочевал он на дальних кочевьях между Яиком и Тоболом, поскольку в районе Астрахани у его улусных людей могли бы возникнуть ссоры с русским населением. Из вышеизложенного видим, что Москва не стремилась однозначно принять сторону своих подданных Аюки и Солом-Церена в их конфликте с хошутскими тайшами, пытаясь использовать в своих интересах военный потенциал обеих сторон. Данное обстоятельство толкало Аюку к принятию собственного решения, не рассчитывая особенно на помощь царского правительства.

Ситуация, сложившаяся между двумя калмыцкими группировками в Волго-Яицком междуречье зимой 1671/72 года, обострялась, о чем не преминул сообщить в своем донесении боярин И. Б. Милославский. Цаган, сын Аблая, с целью окончательно разгромить силы Аюки с 30-тысячным войском подошел к реке Ахтубе, в местность, что была в трех днях пути от Астрахани. Аюка также вышел из улусов с войском и находился в районе Нарын-песков. Собрав воедино оставшиеся после разгрома улусы и помирившись с Дугаром, Аюка решил взять реванш у Аблая.

В начале 1672 г., в месяц Цаган Сар, Аюка со своим войском и союзниками, в числе которых был и его свояк Каспулат Черкасский с кабардинцами, совершил поход на Яик, полностью разгромив владение Аблая. Хошутский тайша с семьей был пленен и первое время содержался под арестом на Тереке под присмотром кабардинских родственников Аюки. В 1672 г. пленники были переданы в Астрахань. Дальнейшая судьба Аблая находит противоречивое отражение в русских источниках. Г. Ф. Миллер сообщает, что тайша умер в Астрахани. П. С. Паллас утверждает, что Аблай скончался в плену на р. Сал, одном из притоков Дона, а до того как попасть в плен, он находился на горе *Чир-Тумер-ула*, которая, по его мнению, возможно являлась частью Мугоджарских гор. В августе 1672 г. послы Очирту Цецен-хана официально обратились к властям в Тобольске с требованием выдать хошутскому правителю его брата Аблая, взамен обещая обеспечить безопасность русским людям, добывающим соль на Ямыш-озере. В официальном ответе центральных властей, переданном Цецен-хану в 1674 г., прямо указывалось: «Аблай тайша за ево

измены и за неправды взят был в полон и привезен к Москве и на Москве умре».

В июне 1672 г. Аюка с другими тайшами кочевал на левобережье Волги, в районе Саратова, где его люди активно торговали с местным населением. Но под Черным Яром у его калмыков произошел конфликт с местными жителями, о чем он сообщил на Дон. Несмотря на возникшие внутрикалмыцкие неурядицы, Аюка продолжал придерживаться договоренностей с правительством, заключенных его покойным отцом. Еще весной тайша отправил к Перекопу 260 калмыков для взятия «языков». Захватив в плен трех татар, на обратном пути они натолкнулись на лагерь азовцев, отбили у них русский полон, взятый под Валуйками и Рыбным. 20 мая калмыки «все в целости» пришли на Дон. 2 июня они же совместно с казаками совершили еще один поход под Калачинские башни для захвата ногайских малибашей, ранее находившихся в подчинении у покойного тайши Бока и направлявшихся к крымскому хану. 29 октября на Дон от Аюки пришел отряд в 200 человек под командой Будачери. Совместно с казаками атамана К. Яковлева они совершили поход под Азов, побив множество азовцев и захватив в плен 48 человек.

Осенью 1672 г. в Астрахань от Аюки прибыли послы — Юмай-дархан и Эшбердей Авжиев с 4 товарищами. По их словам, калмыцкие улусы в это время кочевали под Царицыном, в верховьях реки Сарпа, у озера Цаган-Нур. Аюка еще раз подтверждал свое желание и дальше верно служить государю, как его дед Дайчин и отец Мончак. Но, по мнению тайши, развиваться русско-калмыцким отношениям должным образом мешали продолжавшиеся инциденты. Например, ехавший из Астрахани с отрядом боярин и воевода И. Милославский между Черным Яром и Царицыным разгромил один из калмыцких улусов, захватив 15 человек и 50 голов скота. Аюка не без основания интересовался «по государеву указу это сделано» или нет, поскольку «никакова дурна с калмыцкими своими людьми не учинил». Тайша просил правительство выслать ему годовое жалованье. Отправленные из Астрахани вместе с послами в калмыцкие улусы казанец М. Бараков и М. Протопопов должны были призвать Аюку, Солом-Церена и других тайшей собраться на

съезд под Астраханью для подтверждения прежних шертей. Задержка правительством жалования тайшам, видимо, не совсем устраивала Аюку, и он до ноября оставил посланцев у себя в улусе, а сам с войском двинулся к Куме.

Таким образом, можно отметить, что ключевое влияние на изменение политики России по отношению к калмыкам в положительную сторону имела начавшаяся Русско-польская война в 1654 г. Выступление Крымского ханства на стороне Речи Посполитой, поражений русских армий на Украине повлекли активизацию русско-калмыцких переговоров на качественно ином уровне. Калмыцкие тайши все больше стали склоняться к мысли принятия на себя определенных обязанностей, а царское правительство шло на уступки по вопросам предоставления калмыкам кочевий и рынков в Нижнем Поволжье. Именно заключение шертей в 1655 и 1657 гг. создало политическую основу для вступления калмыков в русско-польскую войну. После заключения в 1661 г. двух шертей, которые во многом носили характер военных договоров, калмыцкая конница вступает уже в активную фазу боевых действий в крымском направлении и на Украине.

В участии калмыков в Русско-польской войне 1654–1667 гг. условно можно выделить два этапа: самостоятельные военные действия на Кубани и в Северном Причерноморье (1656–1660 гг.) и совместные выступления с русской и украинской армиями в Причерноморье и на Украине (1661–1666 гг.). Военные действия калмыков во многом носили вспомогательный характер и кардинально не меняли ситуацию на театре боевых действий, однако они с 1661 г. существенно снижали активность крымских татар на Украине, облегчая тем самым положение русско-украинских армий на главных направлениях.

Разинское восстание произвело сильное впечатление не только на казаков и крестьянство юга России, но и на калмыцкое население. С одной стороны, харизма Разина, его личная храбрость, которую калмыки не раз наблюдали в совместных походах на Крым, привлекали кочевников. С другой — договоренности с правительством обязывали тайшей действовать против повстанцев. Антиразинские настроения калмыков окончательно сформировались после погрома повстанцами калмыцких и едисанских улусов в 1669–1670 гг. Попыт-

ки Разина после этого договориться с тайшами и привлечь их на свою сторону уже не имели успеха. Действия Дугара и Бока летом 1670 г. на Дону, в ходе которых была уничтожена дербетская застава Даши, невольно помогли повстанцам расширить район своих действий и пополнить свои ряды донскими казаками. Внутренние усобицы, имевшие место в калмыцком обществе, по времени совпали с этим восстанием и невольно способствовали активизации антиправительственных действий Разина.

Молодому Аюке удалось преодолеть все препятствия, мешавшие разрешению политического кризиса в калмыцком обществе. Успешное подавление внутренней оппозиции и внешних врагов помогло ему завоевать симпатии простого калмыцкого народа и особенно старших тайшей, поначалу относившихся к нему с недоверием. Укрепление русско-калмыцких отношений свидетельствовало о продолжении политики Дайчина и Мончака, видевших в этом главную гарантию обеспечения безопасности калмыцких кочевий. 1671 год можно считать и датой окончательного падения некогда могущественной северной группировки ойратов — чакарских калмыков. Большая их часть была подчинена джунгарами, и лишь немногочисленные группы влились в состав волжских калмыков.

Вопросы:

- 1. Перечислите основные ойратские этнополитические группировки в первой половине XVII в.*
- 2. По какому маршруту шла миграция калмыков в степи Северного Прикаспия в первые десятилетия XVII в.?*
- 3. Как развивался территориальный вопрос в русско-калмыцких отношениях в 20–30-е годы XVII в.?*
- 4. Какая была первая реакция московского правительства на появление калмыков в степях Северного Прикаспия?*
- 5. Перечислите все шерты, заключенные калмыцкими тайшами и московскими властями в период Русско-польской войны 1654–1667 гг.*
- 6. Основные положения шерты 1655 г.*

7. *Какая роль принадлежала кабардинским князьям в русско-калмыцких переговорах?*
8. *Основные политические проблемы, возникавшие в ходе русско-калмыцких переговоров при заключении шертей.*
9. *Как происходила аудиенция калмыцких послов у московского царя в Кремле?*
10. *Дайте краткую характеристику калмыцким правителям, участвовавшим в «шертовании» — Шукур-Дайчину, Мончаку (Пунцугу), Манжи-Ялбо.*
11. *Какими атрибутами власти был удостоен Мончак в 1661 г.?*
12. *Как развивались русско-калмыцкие отношения в период политического кризиса на юге страны и в калмыцком обществе на рубеже 1660–1670-х гг.*

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ**ОПУБЛИКОВАННЫЕ МАТЕРИАЛЫ**

- Батур Убаши Тюмень. Сказание о дербен ойратах // Лунный свет: Калмыцкие историко-литературные памятники / сост., ред., предисл., коммент. А. В. Бадмаева. Элиста, 2003. С. 125–154.
- Витсен Н. Путешествие в Московию. СПб., 1996.
- Габан Шараб. Сказание об ойратах (Калмыцкая летопись) // Лунный свет: Калмыцкие историко-литературные памятники / сост., ред., предисл., коммент. А. В. Бадмаева. Элиста, 2003. С. 84–107.
- История калмыцких ханов // Лунный свет: Калмыцкие историко-литературные памятники / сост., ред., предисл., коммент. А. В. Бадмаева. Элиста, 2003. С. 113–119.
- Кабардино-русские отношения в XVI–XVIII вв. Документы и материалы. М., 1957. Т. 2.
- Крестьянская война под предводительством Степана Разина. Сборник документов. Т. 1. 1666 – июнь 1670 гг. / Сост. Е. А. Швецова. М., 1954.
- Крестьянская война под предводительством Степана Разина. Сборник документов. Т. 2. М., 1957.
- Крестьянская война под предводительством Степана Разина. Сборник документов. Т. 3. М., 1962.
- Крестьянская война под предводительством Степана Разина. Сборник документов. Т. 4. М., 1976.
- Літопис Самовидця / видання підготував Я. І. Дзира. Київ, 1971.
- Материалы по истории Башкирской АССР. Ч. 1: Башкирские восстания в XVII и первой половине XVIII в. М.-Л., 1936.
- О России в царствование Алексея Михайловича. Современное сочинение Григория Котошихина. Изд. 3. СПб., 1884.
- Памятники дипломатических и торговых сношений Московской Руси с Персией. Т. 2. СПб., 1892.
- Полное собрание законов Российской империи, повелением Государя Императора Николая Павловича составленное. Собрание Первое. Т. 1, 5. С 1649 по 1675. СПб., 1830.
- Раднабхадра. «Лунный свет»: История рабджам Зая-пандиты / Пер. с ойрат. Г. Н. Румынцева и А. Г. Сазыкина. СПб., 1999.

- Родословная туркмен. Сочинение Абу-л-гази, хана хивинского. М.: АН СССР, 1958.
- Посольские книги по связям России с Калмыцким ханством. 1672–1675 гг. / Сост. Н. М. Рогожин, М. М. Батмаев. Элиста, 2003.
- Эвлия Челеби. Книга путешествия. Вып. 1. Земли Молдавии и Украины. М., 1961.
- Эвлия Челеби. Книга путешествий (Извлечения из сочинения турецкого путешественника XVII века). Перевод и комментарии. Вып. 2. Земли Северного Кавказа, Поволжья и Подонья. М., 1979.

ЛИТЕРАТУРА

- Бакунин В. М. Описание калмыцких народов, а особливо из них торгоутского, и поступков их ханов и владельцев. 2-е изд. Элиста, 1995.
- Батмаев М. М. Калмыки в XVII–XVIII веках. События, люди, быт. В 2-х кн. Элиста, 1993.
- Батмаев М. М. Социально-политический строй и хозяйство калмыков в XVII–XVIII вв. Элиста, 2002.
- Бичурин Н. Я. (Иакинф). Историческое обозрение ойратов, или калмыков, с XV столетия до настоящего времени. 2-е изд. Элиста, 1991.
- Бобров Л. А., Худяков Ю. С. Вооружение и тактика кочевников Центральной Азии и Южной Сибири в эпоху позднего Средневековья и Нового Времени (XV – первая половина XVIII вв.). СПб., 2008.
- Богоявленский С. К. Материалы по истории калмыков в первой половине XVII века // Исторические записки. М., 1939. № 5. С. 48–102.
- Веселовский Н. И. Передовые калмыки на пути к Волге // Записки Восточного отделения Императорского Русского археологического общества. Т. 3. СПб., 1888. С. 365–370.
- Златкин И. Я. История Джунгарского ханства. 1635–1758. 2-е изд. М., 1964.
- История Калмыкии с древнейших времен до наших дней: в 3-х т. Т. 1. Элиста, 2009.
- Кичиков М. Л. Исторические корни дружбы русского и калмыцкого народов. Элиста, 1966.
- Кичиков М. Л. Образование Калмыцкого ханства. Элиста, 1994.
- Колесник В. И. Последнее великое кочевье: Переход калмыков из Центральной Азии в Восточную Европу и обратно в XVII и XVIII веках. М., 2003.

- Котвич В. Л. Русские архивные документы по сношениям с ойратами в XVII–XVIII веках // Известия Российской академии наук. № 12–15. 1919. С. 791–822.
- Кундакбаева Ж. Б. «Прислал де их Аюкай тайша бить челом великому государю царю...» (приезд в Москву калмыцких посланников во второй половине XVII в.) // Иноземцы в России в XV–XVII веках. М., 2006. С. 520–532.
- Курапов А. А. Буддизм и власть в Калмыцком ханстве XVII–XVIII вв. Элиста, 2007.
- Куц О. Ю. Донское казачество в период от взятия Азова до выступления С. Разина (1637–1667). СПб., 2009.
- Лыткин Ю. С. Материалы для истории ойратов // Лунный свет: Калмыцкие историко-литературные памятники / Сост., ред., предисл., коммент. А. В. Бадмаева. Элиста, 2003. С. 390–468.
- Максимов К. Н. Калмыкия в национальной политике, системе власти и управления России (XVII–XX). М., 2002.
- Малов А. В. Русско-польская война 1654–1667 гг. М., 2006.
- Новосельский А. А. Борьба Московского государства с татарами в первой половине XVII века. М.-Л., 1948.
- Новосельский А. А. Исследования по истории эпохи феодализма (научное наследие). М., 1994.
- Очерки истории Калмыцкой АССР: Дооктябрьский период / под ред. Н. В. Устюгова. М., 1967.
- Пальмов Н. Н. Материалы по истории калмыцкого народа за период пребывания в пределах России. Элиста, 2007.
- Пальмов Н. Н. Очерк истории калмыцкого народа за время его пребывания в пределах России. 2-е изд. Элиста, 1992.
- Пальмов Н. Н. Этюды по истории волжских калмыков XVII и XVIII века. Ч. I. Астрахань, 1926.
- Позднеев А. М. Астраханские калмыки и их отношения к России до начала нынешнего столетия // Журнал Министерства народного просвещения. Ч. ССXLIV. Отд. 2. 1886. С. 140–170.
- Преображенская П. С. Из истории русско-калмыцких отношений в 50–60-х годах XVIII в. // Записки Калмыцкого НИИЯЛИ. Вып. 1. Элиста, 1960. С. 49–83.
- Преображенская П. С. Калмыки в первой половине XVII века. Принятие калмыками (торгоутами и дербетами) русского подданства: автореф. канд. дисс. М., 1963.

- Рогожин Н. М. У государевых дел быть указано... М., 2002.
- Санин Г. А. Отношения России и Украины с Крымским ханством в середине XVII века. М., 1987.
- Смирнов В. Д. Крымское ханство под верховенством Отоманской Порты до начала XVIII века. СПб., 1887.
- Смирнов Н. А. Борьба русского и украинского народов против агрессии султанской Турции в XVII–XVIII вв. // Воссоединение Украины с Россией. 1654–1954. М., 1954.
- Соловьев С. М. История России с древнейших времен / отв. ред. И. Д. Ковальченко, С. С. Дмитриев. Кн. VI. Т. 11–12. М., 1991.
- Трепавлов В. В. История Ногайской Орды. М., 2002.
- Трепавлов В. В. «Белый царь»: образ монарха и представление о подданстве у народов России XV–XVIII вв. М., 2007.
- Устюгов Н. В. Башкирское восстание 1662–1664 гг. // Исторические записки. № 24. 1947. С. 30–110.
- Цюрюмов А. В. Калмыцкое ханство в составе России: проблемы политических взаимоотношений. Элиста, 2007.
- Чулошников А. Торговля Московского государства со Средней Азии в XVI–XVII вв. // Материалы по истории Узбекской, Таджикской и Туркменской ССР. Вып. 3. Ч. 1. Л., 1933. С. 61–88.
- Шмелев А. С. Русско-дагестанско-калмыцкие отношения в XVII в. (по материалам кумыкско-калмыцких контактов) // Кавказ. Балканы. Передняя Азия. Вып. 2(9). Махачкала, 2004. С. 228–235.
- Шовунов К. П. Калмыки в составе российского казачества (вторая половина XVII–XIX вв.). Элиста, 1992.
- Янчевский Н. Л. Колониальная политика на Дону торгового капитала Московского государства в XV–XVII вв. Ростов-на-Дону, 1930.
- Khodarkovsky M. Where Two Worlds Met: The Russian State and The Kalmyk Nomad, 1600–1771. Ythaka, N.Y., 1992.
- Khodarkovsky M. Russia's Steppe Frontier. The Making of a Colonial Empire, 1500–1800. Bloomington, 2002.
- Lemercier-Quelquejay Ch. Les Kalmuks de la Volga entre l'empire Russe et l'empire Ottoman sous le règne de Pierre le Grand // Cahiers du Monde Russe et Soviétique. 1966, vol. VII, № 1. P. 63–76.
- Pallas P.S. Sammlungen historischer Nachrichten über die mangolischen Volkerschaften. T. 1. SPb., 1776.

Владимир Толтаевич Тепкеев

**ИСТОРИЯ КАЛМЫКИИ:
РУССКО-КАЛМЫЦКИЕ ОТНОШЕНИЯ
ВО ВТОРОЙ ТРЕТИ XVII ВЕКА**

Учебное пособие

Подписано в печать 26.12.2022.
Формат 60x84/16. Усл. п. л. 4,18.
Тираж 100 экз. Заказ 36-22.

Издательство Калмыцкого научного центра РАН
358000 Элиста, ул. Илишкина, 8